

Роман Галкин

Кощей. Перезагрузка

Порядок должен... выть!

Annotation

Что вы знаете о Кощее Бессмертном, о Бабе-яге, о Лешем и о других сказочных персонажах? Считаете их коварными злодеями? Так же думал и Георгий, пока его душа после гибели не вселилась в Кощея, воскресшего после битвы с Иваном-царевичем...

Роман Галкин

Кощей. Перезагрузка

© Роман Галкин, 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

- Черт, что за чепуха? Почему ни фи́га не видно?
- Я не черт. А ничего не видно, потому что ничего нет.
- Не понял. Ты кто?
- Архангел в пальто.
- Что за ерунда? Где я?
- Нигде. Пока нигде. Сейчас будем разбираться, куда тебя отправить.

Перед глазами какая-то непроницаемая белесая муть. Пытаюсь осмотреться вокруг, но голова не поворачивается. Все тело отказывается повиноваться. Вообще такое ощущение, будто тела и нет вовсе.

Пытаюсь вспомнить, что со мной произошло. Помню, что вечером поехал к Мишаке в баню. Но пить там не пили. Домой вернулся часов в десять. Какие-то неприятные ассоциации связаны с возвращением домой... Что-то было нехорошее. Поругался с женой? Вроде нет. Что же тогда?

Так-так-так, кажется, припоминаю... Ага. Вот я захожу в подъезд, вызываю лифт и слышу этажом выше непонятное шуршание. Прислушиваюсь. Шуршание стихает, и раздается характерное журчание.

Ну, гад, давно я мечтал поймать хотя бы одного такого дебила и свернуть ему шею. Гонимый злым охотничьим азартом, бесшумно шагаю через две ступени. Ни на втором, ни на третьем этаже лампочки не горят, поэтому на площадке между ними у мусоропровода почти кромешная тьма. Но я все же различаю спину мерзавца и бросаюсь на него. Краем глаза успеваю заметить движение сзади, на лестничном пролете, ведущем вверх, но не обращаю на это внимания. С лету бью паршивца ногой в поясницу так, что тот влипает в трубу мусоропровода. Хватаю его за довольно длинные волосы и с силой прикладываю об эту же трубу лбом. В это мгновение мой собственный затылок взрывается резкой болью и сознание меркнет.

Больше ничего не помню.

Похоже, этот подонок был не один, и я, потеряв в азарте осторожность, заработал по затылку каким-то тяжелым предметом.

Значит, теперь я нахожусь в больнице.

Но почему совершенно не ощущаю своего тела? Неужели мне перебили позвоночник и я теперь на всю жизнь останусь прикованным к постели инвалидом? При этой мысли меня охватывает ужас. Но тут же возникает другая мысль: почему ничего не вижу? Если бы ослеп, по идее, должна быть темнота. А передо мной белесая муть, вроде бы даже слегка светящаяся. Разве такая слепота бывает?

И кто этот мужик, который со мной разговаривает? Доктор? Он, кажется, говорил, что собирается меня куда-то определить? Вероятно, это хирург из травмпункта. Они там все такие грубые, ведут себя с пациентами словно с каким-то быдлом. Уж я-то знаю – в молодости частенько попадал туда с порезами и переломами. И всякий раз эти травматологи были уверены, что пациент обязательно пьяный. Посмотрел бы я, какими трезвыми будут выглядеть они, если заехать по голове битой или выпустить литр крови из пореза на боку! Зачем вообще идти в доктора, если относишься к пациентам с таким презрением? Разве что из садистских побуждений.

– Доктор, – обращаюсь к невидимому мужику, – что со мной?

– Доктор, говоришь? – хмыкает тот в ответ. – Ну что ж, можно и так назвать. Пожалуй, мне подойдет роль терапевта. Итак, к какому коллеге тебя дальше направить, а? Какой, скажи, курс лечения тебе прописать?

Озадаченный таким вопросом, молчу.

– Посмотрим, какое твоё деяние было последним, – между тем продолжает доктор. – М-да... Убил человека. И за что же? За то, что тот справлял естественные надобности. Значит, ты решил запретить человеку делать то, что предписал ему Бог? Ты поставил свою волю выше воли Создателя? И как, по-твоему, должен жить человек, не справляя естественных надобностей? Ты сам-то так пробовал?

Что за бред несет этот доктор? Доктор ли? Может, я в дурке, а это сосед по палате? А как я сюда попал? Не угрохал ли я и правда того зассанца? Кстати, откуда сосед по палате может знать об этом инциденте? И почему, черт побери, я ни фиги не вижу? Небось посчитали буйным и накололи какой-то гадостью. Точняк накололи чем-то, что парализует все мышцы, а глаза вроде бы тоже являются мышцами, или какая-то их запчасть – вот и не вижу теперь ничего, кроме этой светящейся мути. Но почему тогда я могу говорить? Язык ведь тоже является мышцей или нет?

– Слышь, мужик, – обращаюсь к соседу, – тебя как зовут?

– Меня не зовут. Ко мне сами приходят. А я туточки постоянно и бессменно, – пробубнил тот таким тоном, будто чем-то увлеченно занимается, после чего продолжал нести свой сумасшедший бред: – Та-ак, ну, подробно мы твою жисть-жестянку рассматривать не будем, ибо последнего прижизненного поступка вполне хватает, чтобы четко определиться с направлением твоего дальнейшего следования. О, а вот это интересно! Да ты и сам, оказывается, всю жизнь желал отправиться по этому пути. Вона че в своем дневнике написал: «Если есть загробная жизнь, то я однозначно не желаю целую вечность сидеть под райской яблоней и дудеть в арфу». Кхм, дудеть в арфу? Оригинально. Надо будет подкинуть идею коллегам. Ага, читаем дальше: «Лучше уж в аду с чертями веселиться. Ну и хрена, что там раскаленные сковородки? За вечность к любой боли привыкнуть можно. Мазохисты вон и при жизни от нее тащатся. К тому же я из тех парней, которые, прежде чем самому на сковородку попасть, загонят туда кучу чертей и только потом залезут сверху погреться». Ишь ты, из тех парней он... Видали мы тут всяких. Вот возьму и отправлю тебя в рай. Да посодействую тому, чтобы дудел там в арфу денно и нощно. Из тех парней он, видите ли. М-дя...

Слушая соседа по палате, я продолжал удивляться его осведомленности. Неужели в каждую палату дурдома проведен Интернет? А иначе откуда этот придурок цитирует записи из моего ЖЖ? Если это действительно так, оказывается, тут можно жить. Вот только надо научиться держать себя настолько невменяемым, чтобы и парализующую дрянь не кололи и не выписали раньше времени. А то кто его знает, может, этот идиот прав, и я действительно убил в подъезде того подонка. В дурке с Интернетом по-любому лучше, чем на тюремных нарах.

– Ну что ж, – прерывает мои размышления тот, кого я принял за соседа по палате, – путевка оформлена. Отправляйся для начала в чистилище.

– В фигилище, – передразниваю придурка.

Вдруг туманное сияние начинает стремительно блекнуть и заполняться темнотой. Вместе с темнотой возвращается зрение. Первое, что вижу, – в огненных отблесках передо

мною стоит, ухмыляясь... передо мной стоит...

Нет, я точно сошел с ума! Даже если предположить, что это мрачное помещение с висящим на цепях огромным котлом, под которым пляшут оранжевые языки жаркого пламени, и есть палата психиатрической клиники, и тогда я не поверю, что в качестве пациента и моего соседа в ней может содержаться йети. Даже не буду говорить о том, что ни разу не слышал, чтобы йети сходили с ума. Я вообще не слышал, чтобы кто-то ухитрился поймать хотя бы одного представителя этого мифического племени. К тому же в моем представлении шерсть этих существ должна быть светлой и свалявшейся, а не идеально черной и лоснящейся, словно у отожравшегося за лето дикого кота.

И чего это чудище глядит на меня с такой плотоядной улыбкой?

Опускаю взгляд, чтобы посмотреть, чего такого интересного этот черный волосатик во мне увидел, и понимаю, что просто-напросто сплю, а весь этот кошмар мне только снится. Иначе как объяснить свойственным привидениям из фильмов ужасов прозрачность моего тела?

Поднимаю руки и смотрю сквозь них на продолжающего ухмыляться йети.

– Новенький? Передыху от вас нетути, – хриплым человеческим голосом сетует тот и подцепляет мою полупрозрачную фигуру трезубыми вилами. – Цельную вечность прете и прете, уж руки устали в кипятке вас полоскать.

Обалдевший от нереальности происходящего, я никак не отреагировал на вонзившийся в мою тушку трезубец, благо ни малейшей боли не почувствовал.

Йети-брюнет поднял меня на вилах и, словно сноп сена, перебросил в котел с пузырящимся черным варевом...

– А-а-а-а! – Дикая боль затмила разум и заставила забыть обо всем на свете. – А-а-а-а!

Я кричал, кричал и кричал. Каждую клеточку моего организма жгло адским пламенем. Единственным желанием было скорее умереть. Такая боль не могла длиться вечно. Я просто не мог ее долго выдержать. Я просто обязан был умереть. Я должен был в считанные секунды сгореть, свариться в этом адском котле. Но я не умирал, и боль не уходила. Казалось, этот кошмар длится вечно. И я орал, орал, орал, стараясь криком прогнать невыносимую боль.

И боль стала уходить. Или нет, боль никуда не делась. Просто я стал к ней привыкать.

Наконец настал момент, когда я заткнулся. Заткнулся после того, как появилась мысль: «А чего я, собственно, ору? Кому?»

Пришла следующая мысль: «Где я? И, собственно, кто я?»

Вспомнил черное мохнатое существо, засунувшее меня в котел с кипящей смолой...

В ужасе выпрыгиваю из адского варева и зависаю над ним, словно привидение.

Словно привидение.

Привидение...

Я привидение!

А как еще можно объяснить тот факт, что я спокойно вишу в воздухе, а мое тело прозрачно и не имеет четких очертаний?

Может, я сошел сума?

Может, нырнуть обратно в котел?

Последнее пожелание чуть было не исполняется благодаря черному йети.

– А чей-то ты вылез, а? – хрипит он, появившись передо мной, и пытается нанизать меня на трезубец.

– Э-эй, чудо, погоди! – резко отскакиваю, а вернее, отплываю в сторону. – Да погоди ты!

Давай поговорим.

Йети оборачивается, словно желая разглядеть кого-то у себя за спиной. Затем снова устремляет взгляд на меня.

– Ты енто с кем сейчас разговариваешь? – нахмутив шерстяной лоб, вопрошает он.

– С тобой.

Чудище скашивает взгляд на собственную грудь, вероятно пытаясь увидеть себя со стороны.

– Не положено, – следует жесткий ответ после нескольких мгновений раздумья. – Туточки тебе чистилище, а не ента вот эта вот, где ласы-басы разводят. Енто с крылатыми хвилосохвии разводить будешь – апосля, как очистишься.

– Да очистился я уже! – кричу, опять уворачиваясь от трезубца.

– Ишь, прыткий какой, – опять промахивается йети.

Некоторое время нам не до разговоров. Я шарахаюсь из угла в угол, а шерстяной тычет в меня вилами, словно отрабатывающий штыковой бой новобранец. Однако я явно шустрее кошмарного чистильщика, и этот факт мне нравится. Даже появляется некий азарт. Увернувшись в очередной раз, оказываюсь за спиной у йети и стараюсь там и оставаться, как бы шустро тот ни крутился. В моем нынешнем бестелесном состоянии это легко удается.

– Все, – сдается шерстяной. Он устало опирается на трезубец и стоит, сгорбившись, часто и хрипло дыша. – Я отказываюсь работать с таким клиентом! Енто не клиент, енто недоразумение какое-то. Просто никакого уважения.

И тут же адское помещение затягивается белесой мутью, в которой растворяются даже звуки потрескивающих в огне дров и бульканье кипящей смолы.

С ужасом понимаю, что перестал не только видеть, но и ощущать тело. Пусть оно и призрачное, но еще мгновение назад я мог им управлять, мог двигаться, мог шевелить руками и ногами, поворачивать голову.

– М-да, шебутной клиент попался.

Раздавшийся из белесой мути голос показался знакомым. Я уже общался с его обладателем недавно... Недавно? А может, вечность назад? Это же он направил меня к черному йети в качестве мясного наполнителя для кошмарного супчика.

– Архангел в пальто, ты, что ли? – спрашиваю я.

– Хи, – хихикает женский голос. – Чего это он тебя в пальто нарядил?

– Человеческая душа – потемки, – отвечает мой знакомец без каких-либо эмоций. Однако в дальнейших его рассуждениях сквозит явное злорадство. – Создатель сделал людей несовершенными, мотивируя тем, что тогда у них будет цель к достижению совершенства, и они, стремясь к этой цели, превзойдут не только нас, но и его самого.

– Так совершенствуются же понемногу...

– Ну да, совершенствуются, – отвечает полный сарказма голос, – только в другую сторону.

– В какую другую? – не понимает женщина. – Вон даже космос себе придумали и полетели в него.

– И далеко ли улетели? – ухмыляется архангел. – Да и зачем полетели? За совершенством ли? Или за тем, что из космоса сподручнее убивать друг друга?

– Слышь, ты, в пальто, – надоедает мне молчать.

– Заткнись, – бросает тот, и я чувствую, что лишился возможности говорить, а он

продолжает: – Я-то, почитай, половину из них через эти ворота пропустил и каждую душонку наизнанку вывернул. И скажу тебе, Мара, всем их самосовершенствованием движет стремление к уничтожению собственных собратьев. Потому и совершенствуются не душой или, на худой конец, телом, а изобретательством разных смертоносных штучек-дрючек. Да они и сами свой прогресс называют техническим – мертвым, значит. И все блага так называемой цивилизации – это всего лишь побочный продукт стремления убить первым.

– Ох, Гаврик, отдохнуть тебе надо вечность-другую от этих людишек. – В женском голосе послышались нотки сочувствия. – Да и привратники твои измаялись совсем. Надясь видела, как Петя со смены брел – голова понурая, плечи опущены, крылья по тверди волочатся. Разве ж можно так изматываться?

– Как же отдохнуть-то, Мариночка? Кто ж вместо нас освободившиеся души отлавливать будет да после чистилища вновь по реалиям распределять?

– Гаврик, правда ли, что в иных реальностях перволюдей вовсе не осталось?

– Да что там перволюдей... В иных и людей-то почти не осталось. Допрогрессировались в своем совершенствовании, мать их...

– Не сквернословь, Гаврик.

– Да чего только от этих людских душонок не нахватаешься, – сетует тот. – Ты, Мара, не представляешь, сколько очищенных душ мы с Петром да Павлом уже скопили в раю. Бродят они там, как овцы неприкаянные, ждут своей очереди на вселение. А куда их вселять, скажи?

– Ты же сам только что сказал, будто в иных реальностях люди себя почти совсем истребили. Вот и заселяйте их.

– Да? Люди, Мариночка, это не твои морфейчики. Им в материальных мирах материальные же тела требуются. А где этих тел набраться, ежели они вопреки заповеди уничтожают друг друга быстрее, нежели размножаются?

– Ой, ну не знаю я, Гаврик. А перволюди куда смотрят? Почему допускают подобное? И куда они сами исчезают? Они же не смертны.

– Да кто их слушает? Ежели изначальные отпрыски еще и уважали, то последующие о родстве забыли и стали перволюдей и их первенцев то ли богами, то ли нечистой силою считать. Тут и всяческих богоборцев без числа появилось. И пошла травля пращуров. Те какими только способами не отбивались от детишек: и мороки ужасные на себя надевали, и чудеса благодные творили – ничего не помогло. В итоге пришлось им в такие потайные уголки забиться, куда ни одному человеку не пролезть. Так нет же, находятся такие, что пролазят. И что интересно, сами того не соображая, научились людишки бессмертных убивать. Представляешь?

– Как это?

– А вот так. Придумают какой-нибудь способ поизощренней, и начинают в него сообщать верить. И чем большее число народа верит, тем большую силу эта вера набирает и в конце концов становится материальной. То есть способ убийства становится реальным. Дело остается за малым – найти идиота, желающего прославиться убийством прародителя.

Следует недолгая пауза, после которой архангел продолжает изливать душу собеседнице.

– Вот ты говоришь, Петра понурым встретила. Это он как раз печалился по поводу смерти очередного первочеловека. И способ-то какой идиотский придумали. Мол, смерть его на конце иглы, а игла та в яйце, яйцо в утке, утка в зайце... Нет, ты можешь себе утку в зайце представить?

– Да я, Гаврик, их и по отдельности представить не могу.

– Да? Ну извини... В общем, такого навывдумывали, такого... И ведь материализовалась выдумка-то.

– Убили, значит?

– Убили бедолагу. Оттого и Петр печален был. Тут вишь, какая закавыка. Ежели сущность бессмертна, то в материальном воплощении ее душа с телом неразделимое целое составляют. Собственно, и тело вовсе не тело, а эта самая душа и есть, только в особом уплотнившемся состоянии. Потому получается, что, убивая перволюдей, люди убивают их души.

– Разве такое возможно?! – восклицает голос той, которую архангел называл Марой. – Ведь даже Создатель не уничтожил ни одной сотворенной им души.

– Как видишь.

– Получается, эдак люди могут и нас уничтожить?

– Не дай-то бог!

– Какой еще бог?

– Тьфу, это я от людских душ присказок нахватался.

– Послушай, Гаврик, а что, если все людские недоразумения от чистилища? Что, если душу не очищать до первородности, а вернуть в мир с толикой прошлых знаний?

– Пробовали не единожды.

– И что?

– В половине случаев по-разному, когда дурачком век скоротает, когда на кресте или на эшафоте закончит. Зато другая половина, возымев власть, такую бойню среди сородичей устраивала! Петр с Павлом еле поспевали в ад сонмы отлетевших душ сгонять.

– В ад-то зачем? На кой бесам человеческие души?

– А куда их девать, пока чистилище всех переработает? Не в ваш же Морфей? С ними и бесы-то насилу справлялись. После каждого такого наплыва бедолаги петицию Создателю отправляют, просят увеличить количество котлов в чистилище, дабы впредь избавить их от общения со столь беспокойными человеческими душами. Они, вишь, даже в бестелесном состоянии друг друга убивать пытаются, что очень болезненно сказывается на нежной психике бесов.

– Бедняжки, – сочувственно говорит женщина, и далее следует продолжительная пауза, во время которой я вновь пытаюсь обратить на себя внимание. Однако голос мне по-прежнему не повинуется. Я будто бы существую только мыслью, не способной даже к самостоятельному перемещению. Что, если этот говорун забудет меня в таком состоянии? Боже упаси...

– Гаврик, – прерывает молчание Мара, – если первочеловек есть уплотненная до состояния тверди душа, то я могу уплотнять своих морфейчиков. Я часто так делаю, устраивая зримые представления для ангелочков.

– Ну, то морфеи, а то души. А к чему ты это?

– Суть-то одна – эфир с толикой сущности Создателя. Я к тому, что могу попробовать создать первочеловека взамен убиенного.

– Ага. И что получится? Перволюди в первородных реальностях и начинали жить, постепенно подстраиваясь под изменения, которые вносили потомки. И то многие этих изменений не пережили. Да и те, что остались, долго ли еще протянут? А ты предлагаешь чистую душу не в плод, а сразу в мир бросить? Это ж сколько мучений душа примет, пока

люди придумают, как ее убить!

— А давай не чистую? Давай вон этого шустрого, что из чистилища сбежал? Воплотим его вместо того, которому людишки смерть в яйце у зайца напророчили, и пусть ему воздастся за шустрость.

— Кхм... На конце иглы смерть... Впрочем, без разницы. Они могли и такое придумать.

— Решай скорее, Гаврик. А то я уже скучаю без своих морфейчиков.

— Надо Петра призвать. С ним посоветоваться...

Проснувшись, не спешу открывать глаза и некоторое время размышляю над кошмаром, который мне приснился. Несмотря на всю сказочную бредовость сна, он кажется невероятно реальным и помнится от первого до последнего момента.

От размышлений о сне отвлекает ощущение чего-то твердого, словно камень, и очень холодного подо мной. В голове возникают два вопроса: «На чем я лежу? Где я?»

Ответ на первый вопрос получаю, открыв глаза. Лежу я действительно на камне. А вот с ответом на второй возникла явная проблема. Тем более что и сам он потонул в хлынувшей череде других вопросов.

Впрочем, если подойти к вопросу «где я?» буквально, то я проснулся на краю ущелья, на дне которого – сейчас загляну – течет бурный поток, с постоянным шорохом перекатывающий камни. Глубина ущелья примерно с девятиэтажку. Ширина метров десять.

На противоположной стороне, метрах в ста от края, возвышается стена леса. Даже с такого расстояния видно, что это тот самый лес, который принято называть дремучим. Огромные ели, вонзаясь острыми вершинами в небо, надежно скрывают землю от солнечного света. Лишенные хвои нижние ветви столь густо перекрывают пространство между неохватными стволами, что через них невозможно пробраться ни человеку, ни сколь бы то ни было крупному зверю. С первого взгляда заметна неправильность леса, заключающаяся в отсутствии опушки в привычном понимании этого слова – с подлеском и мелким кустарником. Такое ощущение, будто некий великан отсек мясницким ножом часть леса. Подобный феномен можно было бы списать на возникшее в результате, допустим, землетрясения ущелье. Однако слишком далеко от края начинается дремучая стена.

Оглядываюсь, ожидая увидеть такие же мрачные ели и у себя за спиной, но вижу неприступную скалу. Каменная стена тянется вдоль ущелья в обе стороны.

Что за... Как я сюда попал? Я продолжаю спать?

Перевожу взгляд с каменной стены на мрачный лес, вновь озираюсь в ущелье, где по-прежнему ворочает камни бурный поток. Течение воды завораживает, кружит голову, тянет вниз.

Жаркие лучи выглянувшего из-за вершин елей солнца выводят меня из транса. Отрываю взгляд от потока и только теперь замечаю, что сижу на камнях совершенно голый. Ну, точно сон... Моя кожа неестественно бледная, будто никогда не встречалась с солнечными лучами. Волосной покров на всех частях тела отсутствует. Провожу ладонью по голове – здесь тоже идеальнейшая лысина, муха поскользнется. И вообще, тело какое-то не мое – если не обращать внимания на бледность и отсутствие волос, оно слишком идеальное. Вот и шрам от аппендицита опять же исчез. Да и такое ощущение, будто росточком стал несколько выше. Встаю и визуально определяю, что значительно выше.

Однако солнце начинает печь все сильнее, а с такой бледной кожей можно быстро обгореть. Хотя и во сне, но неприятно. В поисках тени отправляюсь вдоль каменной стены, изучая ее на предмет хоть какой-нибудь пещерки или расщелины. Двигаюсь, судя по поднимающемуся светилу, примерно на север. Вскоре обращаю внимание, что стена, а вместе с ней и ущелье делают плавный поворот влево.

Замечаю нечто черное на краю ущелья. Какая-то тряпка зацепилась за камень. Поднимаю и удовлетворенно хмыкаю: у меня в руках плащ с капюшоном. Отряхнув,

накидываю – мой размерчик. Правда, нет ни рукавов, ни прорезей для рук, но на первый случай сойдет и такое укрытие от солнца.

Так как сон на этом не закончился, продолжаю идти дальше. По ту сторону все так же тянется дремучий лес. Отвесная скала вместе с ущельем все так же плавно заворачивает влево.

Не знаю, сколько прошло времени, может, полчаса, а может, всего минут десять, когда я набрел на вход в пещеру и остатки моста через пропасть.

Идеальная арочная форма темного зева пещеры, в который свободно смог бы проехать средний грузовик, говорит если не об искусственном происхождении, то о явной обработке человеческими руками. Человеческими ли? Судя по цепям, кои выходят из расположенных метрах в четырех над землей отверстий в скале по обе стороны от входа, стелются по каменной площадке и свободными концами свисают в ущелье, выковать их могли только настоящие великаны. Почему-то мысль о высокотехнологичном оборудовании, гнущем звенья толщиной в руку и размером с человеческую голову, даже мельком не посещает меня.

Заглядываю в пропасть и вижу обгоревшие остатки бревен, из которых некогда был сооружен удерживаемый цепями мост. Даже обугленные обломки столь велики, что бурный поток не в силах справиться с ними и вынужден переливаться через нагромождения или обтекать стороной.

Размышляю над тем, стоит ли жалеть об отсутствии переправы на ту сторону ущелья. Пожалуй, скорее стоит радоваться, ибо неизвестно, какие звери водятся среди этих мрачных елей. Конечно, в пещере тоже могут таиться неведомые монстры, но у меня есть надежный способ бегства при встрече с оными – проснуться, отделавшись лишь холодным липким потом.

Осмотрев окрестности, делаю вывод, что пещера, скорее всего, необитаема. По крайней мере, никто крупный в ней не живет, ибо вокруг нет следов – ни экскрементов, ни обглоданных костей, ни других визитных карточек опасных хищников.

Всматриваюсь в темный зев, но после яркого солнечного света не могу ничего рассмотреть. На слух тоже не улавливаю ни единого шороха. Начинаю осторожно продвигаться внутрь. Глаза неожиданно быстро адаптируются к темноте, и вот я уже вижу так же хорошо, как при дневном свете. Ну, сон, он и есть сон.

Прямой ход выводит в огромный зал, на другом конце которого чернеют три арки. Путь к ним преграждает подземное озеро. Темная поверхность водоема подернута рябью от постоянно дующего в сторону арок сквозняка.

Так как никакого плавсредства не наблюдается, делаю вывод, что пройти к аркам можно вброд. Осторожно трогаю ногой воду – холодная, но терпимо. Ощупывая ступнями каменистое дно, вхожу в воду. Способность видеть в темноте не помогает разглядеть, что творится под ногами, слишком уж темная вода. Продвинувшись метра три к центральной арке, на ощупь определяю, что к ней ведет неширокая каменная тропка, едва скрытая под водой. Проверять глубину за краями тропинки желания не испытываю. И вообще не понимаю, какая сила заставляет меня лезть в эту подземную жуткую лужу? Что я потерял в этой пещере? Наяву ни за что бы сюда не полез.

Примерно на середине водоема справа от меня вдруг всплыл и лопнул большой пузырь. Затем еще один. Затем еще и еще. Вот вода буквально закипела и вспучилась огромной бурой слизистой массой.

– Ква-а! – Утробный рык, сопровождаемый смрадным выдохом, едва не сдул меня с

тропки. Странно, что я сам не прыгнул с нее, в надежде удрать от этой мечты француза, а вместо этого застыл как вкопанный, уставившись в тазики глаз милого бородавчатого лягушонка, не уступающего размером карьерному самосвалу.

– Ква-а... – Чудище снова сотрясло воздух подземелья и, как мне почему-то показалось, дружески шлепнуло меня по лицу липким кончиком длинного розового языка, отчего я с трудом удержался на тропинке. Ощущение было такое, будто меня приложили грязной мокрой половой тряпкой. Судя по тому, что язычок размерами превышал виденного в детстве в Харьковском зоопарке удава, обошелся со мной лягушонок крайне нежно. Да и усеянная великим множеством мелких острых зубов пасть, по размерам подходящая под гараж для легковушки, не вызвала особого содрогания. Не могу объяснить почему. Вот не боится же человек коровы или, например, слона, несмотря на то что этим животным ничего не стоит затоптать его насмерть. Вот и этого монстра я сразу воспринял примерно как доброго слона.

Поприветствовав меня, слонолягушонок погрузился в мрачные глубины подземного озера, а я двинулся дальше, потирая горящую от дружеского шлепка правую сторону лица.

И вот когда осталось сделать последний шаг, чтобы ступить на площадку перед центральным входом, из него вырвалась стая больших летучих мышей. От испуга я шарахнулся назад, поскользнулся, сорвался с тропы и ушел с головой под воду. Когда вынырнул, нечто мокрое облепило мою голову. Слепо барахтаясь в воде и вопя от ужаса, я кое-как содрал это нечто с лица, отбросил в сторону и тут же снова подхватил, пока оно не утонуло. Ведь это оказался слетевший с моих плеч плащ.

Фух... Если бы такое произошло в реале, у меня наверняка разорвалось бы сердце.

– Ква-а! – басовито грохает за спиной.

– Тьфу, твою лягушки мать! Чтоб тебя стадо французов поймало! – ругаюсь на привлеченное моим барахтаньем чудище.

Оно обвивает меня языком и нежно выбрасывает на площадку перед левой аркой.

– Я, между прочим, туда хотел, – указываю на среднюю арку, но монстр, гаркнув прощальное «ква», скрывается под водой.

– Эй! – кричу в темный отнорок и отстраняюсь на тот случай, если и из него вылетит стая мышей.

Подождав с полминуты, облачаюсь в мокрый плащ и решительно двигаюсь вперед. Все-таки интересно, пока не проснулся, узнать, куда ведет этот ход.

Гладкие, словно отполированные каменные ступени спиралью уходят вверх. На серых, кое-где расчерченных мелкими трещинами стенах нет ни светильников, ни следов копоты от факелов. Лишь постоянно дующий снизу сквозняк подталкивает в спину и холодит мокрый плащ, заставляя меня периодически зябко передергивать плечами. Не знаю, сколько полных оборотов сделала спираль лестницы, когда ее ступени наконец-то осветились солнцем, и я вскоре вышел наружу.

Несколько секунд потребовалось глазам, чтобы привыкнуть к свету, и первое, что я увидел, была яблоня, ветви которой ломились от обилия крупных, краснобоких, блестящих на солнце плодов. Руки сами потянулись к ветвям, и я, подобно загипнотизированной куском сыра мышью, подошел к дереву, сорвал наливное яблочко и с сочным хрустом вонзил в него зубы. Сглотнув наполнивший рот живительный сок, почувствовал невероятное блаженство.

Закрыв в упоении глаза, опускаюсь на мягкую травку и, опершись спиной о ствол, не спеша поедаю райский плод. Может, это действительно рай? Снилось же в первом сне чистилище...

Негромкий шорох заставляет открыть глаза. Скашиваю взгляд влево и вижу не спеша прыгающего в мою сторону белого крольчонка. Начинаю машинально шарить рукой в траве, пытаюсь нащупать что-либо типа камня или увесистого сучка. В качестве снаряда подойдет и яблоко. Но чтобы его сорвать, придется встать. Тогда кролик меня заметит и сбежит. Странно, что он до сих пор не обратил внимания на сидящего под деревом человека. Скачет в мою сторону, будто меня тут нет.

Вот я уже могу дотянуться до красноглазого зверька рукой. Мышцы напрягаются, и я уже готов схватить наглеца. Но вот он сам запрыгивает ко мне на колени и, глядя в глаза, начинает колотить меня по груди передними лапами, будто бы требуя чего-то.

– Я не по-онял, – протянул я. Но вспомнив, что это всего лишь сон, поинтересовался у наглого грызуна: – Тебе чего?

Однако кролик человеческим голосом не заговорил, только смешно опустил в разные стороны уши и тихо, но требовательно пискнул.

– Ну, извини, ушастый. Моя, как говорится, твоя не понимает. – Аккуратно опускаю его на траву, поднимаюсь, срываю яблоко, разламываю пополам и кладу одну часть перед кроликом. – На вот, яблочко пожуй. Очень вкусное. Настоятельно рекомендую.

Зверек в моих рекомендациях не нуждался. Более того, судя по тому, с какой жадностью он вгрызся в плод, именно яблоко от меня и требовалось.

Наблюдая, как мило кролик хомячит яблоко, невольно устыдился собственных первобытных инстинктов. Ведь если бы в тот момент, когда я его заметил, мне под руку попался какой-нибудь булыжник... И главное, зачем? Что бы я делал с пушистым трупиком? М-да...

Ну да ладно. Если просыпаться еще рано, посмотрим, куда мы попали.

Выхожу из-под опущенных под грузом плодов ветвей. Осматриваюсь окрест. Ну, рай не рай, а на райский уголок похоже. Небольшая, с пару-тройку футбольных полей, зеленая равнина обнесена забором из остроконечных скал. Редкие деревца, островки кустарника, мягкая травка – все бросалось в глаза своей ухоженностью. У всех деревьев, за исключением парочки сосен, кроны почти идеальной шарообразной формы. Кустарник хоть и не изображает никаких геометрических фигур, но тоже явно подстрижен. Густой зеленый ковер под ногами в высоту не более десяти сантиметров. В нем нет никакой оставшейся от стрижки стерни. Нет вообще ни засохших травинок, ни какого-либо другого мусора. Ну, если не считать пары брошенных мной огрызков. Надеюсь, ненасытный кролик, уже догрызающий свою половинку яблока, их утилизирует. Однородность зеленого покрова нарушают белые, желтые и голубенькие цветочки.

А в центре, между двух раскидистых сосен, стоит настоящая рубленая изба с невысоким крыльцом, резными наличниками, узорчатыми ставнями и деревянным петухом на коньке.

Направляюсь к дому и по пути перешагиваю весело журчащий ручеек с кристально чистой водой. Поодаль под самой скалой вижу небольшое озерцо, из которого и вытекает ручеек.

– Хозяева, есть кто дома? – громко кричу, прежде чем подняться на крыльцо.

Хлопает оконная створка, наружу выпрыгивает здоровенный упитанный серый кот и, задрав хвост трубой и громко мяуча, шустро бежит ко мне. Если такой зверь заедет лапой, то располосует кожу на ленточки. Поспешно плотнее закутываюсь в плащ и соображаю, как ловчее пнуть усатого, если тот действительно надумает напасть.

Но кот удивляет меня. Продолжая орать, он трется о мои ноги. Можно подумать, будто

мы с ним старые знакомые и он сильно по мне соскучился.

Стараясь не споткнуться о мяукающее недоразумение и не наступить ему на лапу, поднимаюсь на крыльцо и стучусь в дверь. Немного подождав для приличия, тяну за ручку – заперто. Подумавав, толкаю дверь внутрь. Оказывается, не заперто.

Вхожу в узкие – двоим с трудом разойтись – сени. Из мебели только лавка, на которой два деревянных ведра и моток черного шланга. Под лавкой слегка запыленные сапоги, веник и деревянный совок. На сделанной из березовых сучков вешалке висит такой же, как на мне, только синего цвета плащ и меховая безрукавка.

Успеваю подумать, что резиновый шланг не вписывается в общую картину, и вздрагиваю, оттого что шланг вдруг разворачивается и сползает на пол.

– Фу-ух, – выдыхаю, глядя на двухметрового ужа, ползущего между ног не обращающего на него внимания кота. – В этом доме случайно не Инфаркт Миокардыч живет?

Уж не отвечает, и я, наступив таки на лапу коту, захожу в комнату. Потолок невысокий, рукой достать, но помещение довольно просторное, опытным глазом строителя определяю размеры примерно пять на шесть. У смежной с сенями стены большая русская печь с лежанкой и прикрытым деревянной заслонкой зевом печи. Тут же набор специальной утвари: на низкой лавке чугушки, глиняные горшки и прочая посуда, к стене прислонены два ухвата, кочерга и то ли широкое весло, то ли деревянная лопата.

Посреди комнаты деревянный стол. Под окном, в которое пару минут назад мне навстречу выпрыгнул кот, застеленный шкурами топчан. В дальнем левом углу огромный сундук. Когда я был маленький, такие сундуки были у моих кубанских теток. Они разводили в них тутового шелкопряда и сдавали коконы в колхоз.

В том же углу, только под потолком, пошевелился сидящий в центре паутины здоровенный мохнатый паук.

У противоположной стены стоит грубо сколоченный шкаф с занавесками вместо дверок. Занавески слегка раздвинуты, и на полках видны различные плоски, горшочки и наполненные невесть чем мешочки.

Вдоль стены у входной двери висит различная одежда. Здесь и меховая доха, и суконный кафтан зеленого цвета, и еще какие-то неизвестные предметы гардероба. Там же на стене висят две пары самых настоящих лаптей. Одна пара стоит на полу рядом с невысокими остроносыми сапожками красного цвета.

Женская одежда отсутствует, значит, живет здесь холостяк.

Над одеждой полка из широкой доски. На полке черная мохнатая шапка, широкополая соломенная шляпа и серый суконный колпак, типа турецкой фески.

Слева от дверей на табуретке стоит деревянное ведро с водой. На нем висит ковшик. При виде чистой воды испытываю жажду. Зачерпываю ковшиком и с удовольствием пью студеную водичку. Судя по тому, что вода свежая, хозяин вышел из дома недавно и, возможно, находится где-то рядом.

От изучения нехитрой обстановки отвлекает писк. В дверь вбегает упитанная мышь, перепрыгивает через хвост сидящего у моих ног кота и, деловито обежав печь, скрывается за ней. Кот на нее – ноль внимания.

– Ты, Василий, я смотрю, мышей не ловишь? – обращаюсь к коту.

Тот в ответ мяукает и снова принимается тереться об мои ноги.

Прохожу вслед за мышью. Пространство за печкой закрыто пологом из дерюги. Отодвигаю полог и обнаруживаю кладовку со всякой всячиной. На полках опять же всякие

баночки, горшочки, мешочки и еще много всего. На стене пучки трав. В полу крышка люка в подпол. Любопытно глянуть, что там. Но вдруг войдет хозяин, а тут голый, одетый в один лишь плащ, незванный гость шарится по закромам.

Решив, что находиться в доме в отсутствие хозяина без приглашения невежливо, выхожу наружу. Неизвестно еще, что за хозяин. А то схватит тот ухват, что побольше, и буду бегать от него по всему этому райскому уголку, если успею из дома выскочить. Лучше встретиться с ним на просторе.

Обхожу избу вокруг. Ого, да тут приличный огородик! В обрамлении кустов смородины разбиты ровные ухоженные грядки. Никаких огурцов и помидоров нет. Зато есть репа, желтые, увенчанные сочной ботвой кругляши которой торчат из земли. Рядом растут еще какие-то корнеплоды, может, редька, может, еще что. Я в огородничестве не специалист. Репку-то опознал, потому что желтая и потому что росла когда-то на даче у родителей.

А вот и знакомый белый кролик скачет меж рядов капусты. Или это другой? Может, хозяин забыл закрыть крольчатник и зверьки разбежались? Они же погрызут у него весь огород. Впрочем, это не мои проблемы. Да и не видно пока ничего изгрызенного.

Но где же хозяин?

За расположенным возле озерца рядом березок замечаю еще одно строение и направляюсь к нему. Небольшой сруб с толстой печной трубой. Не иначе, баня. А вот и полная поленица дров. Вот бы попариться с березовым веничком да понырять в чистое озеро!

Однако дымок из трубы не вьется, и, судя по тишине, здесь тоже никого нет. Только журчат прозрачные струйки воды, стекающие с каменного выступа в озеро. На всякий случай стучу в слегка приоткрытую дверь. Ответа, конечно, нет.

Подхожу к вытекающему из скалы источнику и, хоть и не хочется пить, не могу удержаться – наклоняюсь и делаю несколько глотков удивительно вкусной водички. Эх, если б в этом раю вместо неизвестного хозяина оказалась прекрасная хозяйка, можно было бы и не просыпаться никогда.

У самого подножия каменной стены небольшие заросли малины. Подойдя полакомиться крупными ягодами, замечаю в находящейся за ними расселине вырубленные в скале ступени. Обхожу кустарник и обнаруживаю скрытую расщелиной круто уходящую вверх лестницу. Продолжая объедать малину, размышляю, стоит ли проверять, куда ведет обнаруженная лестница. А почему бы нет? Набрав в дорожку горсть ягод, начинаю подъем. Парапет расщелины не достигает моего плеча, и я могу свободно обозревать расположенную меж скал маленькую равнину. Впрочем, ничего нового с высоты не замечаю.

Подъем затягивается. Шлепать босыми ногами по каменным ступеням становится утомительно. Снизу скалы не казались такими высокими. Теперь же домик внизу кажется не более спичечного коробка, а до верха расстояние визуально даже и не уменьшилось. Когда серьезно задумываюсь над желанием вернуться вниз, лестница наконец-то заканчивается небольшой площадкой. Далее меж скал идет горизонтальная тропа. Пройдя по каменному коридору, выхожу на широкий карниз, и передо мной открывается тот самый вид, который принято называть величественным.

Вокруг до самого горизонта простирается темно-зеленое море тайги. Хотя, может, этот дремучий лес и не тайгой называется, а как-нибудь по-другому, но необъятность его массива все равно впечатляет. Движущиеся тени от облаков создают впечатление шевеления зеленой массы, отчего она кажется живой и способной жадно поглотить все в нее попавшее.

Вспоминаю мрачную тьму под ветвями огромных елей, и от жути передергиваю плечами.

Опускаю взгляд вниз, там уже знакомая картина – несколько метров ровного пространства у подножия, обрывающегося глубоким ущельем, на дне которого пенится бурный ручей.

Карниз, на котором стою, тянется вдоль скал. Край его огражден неровным парапетом, местами не достигающим колен, а местами скрывающим меня с головой.

Раз уж забрался в такую высь, стоит посмотреть, куда ведет эта явно рукотворная терраса. После недолгого раздумья, в какую сторону отправиться, иду направо.

Картина вокруг не меняется – все такое же бескрайнее, однообразно зеленое лесное море, внизу то же ущелье. Иду довольно долго, наверное, не менее получаса, а может, и больше. От однообразия теряется чувство времени. Пару раз сворачиваю в проходы, ведущие к лестницам, подобным той, по которой я сюда поднялся, но, не заметив появления внизу хозяина, возвращаюсь и продолжаю обход.

Вот внизу от скалы к ущелью тянутся две узкие полосы. Присмотревшись, понимаю, что это те массивные цепи, на которые я наткнулся в самом начале. Значит, тот мусор на дне ущелья – это обгоревшие остатки моста. Получается, что я почти обошел запертый в скалы райский уголок по кругу. И действительно, через несколько минут подхожу к тому месту, откуда начал обход.

Итак, я нахожусь посреди тайги на каменном острове, окруженном глубоким ущельем, по дну которого циркулирует бурный поток воды. Не важно, что вода не может течь по кругу, тем более так стремительно. Во сне может быть все.

Однако сон сном, а усталость чувствуется реальная. Еще и поднимающееся к зениту солнце распалилось не на шутку. Желание ополоснуться в прохладном озере гонит меня к ведущей вниз лестнице.

Пока спускаюсь, тщательно осматриваю запертый в скалах зеленый уголок, но чьего бы то ни было присутствия не замечаю.

Вода в озере обжигающе холодная. В такую разве что из парилки прыгать.

Еще раз оглядев окрестности и никого не заметив, скидываю плащ и обливаюсь водой, черпая ее пригоршнями. Когда кое-как обмылся и даже слегка продрог, приходит запоздалая мысль, что в бане наверняка есть какие-нибудь ковшики, тазики и ведерки, с помощью которых можно было бы помыться более комфортно.

Краем глаза замечаю мелькнувшую по траве тень. Поднимаю взгляд и вижу кружащуюся над долиной большую черную птицу. Первая мысль – орел. Но большая голова и еще более несоразмерно большой прямой клюв выдают ворона, просто невероятно огромного ворона.

– Кар-р-р, – глухо подтверждает тот мою догадку.

Становится жутко, и я подумываю спрятаться в бане. Однако черный мутант, каркнув еще раз, взмывает ввысь и скрывается за вершинами скал. Возможно, этот монстр прилетал поохотиться на кроликов, но, увидев человека, решил не рисковать. Откуда ж ему знать, что я сам чуть не обделался от страха.

Накидывать на мокрое тело пыльный плащ не хочется. Выхожу из тени скалы на солнце, чтобы обсохнуть, и вдруг прямо перед глазами воздух начинает мутнеть и подергиваться рябью. В мареве начинают проступать черты человеческого лица. И вот уже на меня удивленно-радостным взглядом смотрит симпатичная девушка с огненными волосами. Оторопев от такого наваждения, зажмуриваюсь. Когда открываю глаза, с некоторым сожалением убеждаюсь в исчезновении наваждения. Не знаю, как у нее с фигурой, но на

мордашку самое то, что мне нравится. Приятный все-таки сон. Конечно, если бы эта рыжая не исчезла, а материализовалась полностью, было бы еще приятней...

Ощувив голод, иду к ближайшей яблоне и утоляю его парой сочных плодов. Огрызки скормливаю прискакавшему пушистому кролику. А не фиг баловать, на всех грызунов яблок не напасешься.

Спасаясь от полуденного зноя, направляюсь в дом. Здесь по-прежнему приятная прохлада. Сажусь на топчан и широко зеваю. Вот же приколы – во сне еще и спать хочется. Тут еще и кот запрыгивает ко мне и, улегшись рядом, начинает урчать, убаюкивая. Не в силах больше бороться со сном, сталкиваю его на пол и ложусь сам. Перед тем как окончательно закрыть глаза, снова вижу лицо рыжей милашки. Растягиваю губы в довольной улыбке и засыпаю.

«Сны во сне не снятся», – приходит в голову первая мысль, после того как, проснувшись, понимаю, что все еще сплю.

Перед лицом проплывает антенна кошачьего хвоста и раздается хриплое требовательное мяуканье.

– Ме-э-э! – Звонкое блеяние из окна заставляет меня вскочить с топчана и наспех поправить сбитые шкуры.

Похоже, домой явился хозяин. Судя по блеянию, он целый день пас то ли овец, то ли коз. Интересно, где здесь можно пасти овец, оставаясь незамеченным? Вероятно, из долины есть еще какой-то выход, кроме того, по которому явился я.

– Ме-э-э. – Повторное одинокое блеяние прерывает сумбурный мысленный поток.

Плотнее запахнув плащ, ожидаю появления хозяина. Тот почему-то не спешит заходить в дом. Подождав немного, решаю выйти сам.

– Ме-э-э, – радостно приветствует меня белая козочка и подбегает к крыльцу, болтая полным выменем.

– Мя-ау, – трется о мои ноги кот.

– Ш-ш-ш, – вьется между кошачьих ног выползший из-под крыльца уж.

– Дурдом, – резюмирую происходящее, понимая, что, кроме чего-то требующего от меня зоопарка, больше никого нет. Но на всякий случай все же кричу: – Эй! Хозяева! Есть кто дома? Нет никого?

В ответ лишь собравшееся зверье удивленно смотрит на меня.

На крыльцо выбегает мышь и, деловито пискнув, снова убегает в дом.

– Дурдом, – повторяю я.

– Ш-ш-ш, – соглашается уж.

– Мя-ау, – трется о ноги кот.

– Ме-э-э, – трясет выменем коза.

Мимо, не обращая на нас внимания, куда-то скачет кролик.

В небе летит ступа с ведьмой...

Сажусь на ступеньку и машинально начинаю почесывать меж рогов ткнувшуюся мордой мне в ладони козу.

В какой-то затяжной сон я вляпался. Если честно, мысль о том, что это не сон, а пока не объяснимая реальность, уже несколько раз мелькала в голове. Но какой реальностью можно объяснить вот эту приземляющуюся Бабу-ягу?

Ступа при ближайшем рассмотрении оказывается плетеной глубокой корзиной, прицепленной тонкими стропами к полупрозрачному крылу-параплану. Удивительный аппарат приземляется в полусотне шагов от дома. Плетеная ступа вместе с находящейся в ней воздухоплавательницей опрокидывается.

Поднимаюсь, чтобы помочь, но никак не могу сообразить, как высвободить хотя бы одну руку из-под не имеющего прорезей для рук плаща, не демонстрируя свою наготу. В итоге гостя, немного просеменив на четвереньках, поднимается самостоятельно, а я ошарашенно застываю, открыв рот. Передо мной, радостно улыбаясь, стоит та самая рыжая милашка из недавнего видения. Теперь, при более близком рассмотрении, вижу, что она не так уж и юна, как показалось при мимолетном взгляде. Тетеньке явно не меньше тридцати. И она красива

той зрелой красотой, которая способна покорить мужчин абсолютно всех возрастов. Во всяком случае, меня она покорила точно. Боюсь только, что она примет меня в таком виде за маньяка-насильника и, чего доброго, отдубасит шестом, который держит в руках.

Блея и мяукая, кот с козой бегут приветствовать красотку. Неужели она и есть хозяйка сего райского уголка? Да нет, не может быть. Обнаруженная мною обувь не менее сорок второго размера, а то и сорок третьего. У нее же вон какая миниатюрная ножка.

И чего это она на меня так радостно смотрит? Мне, конечно, приятно. Но неловко как-то.

– Здравьте, – приветствую гостью легким поклоном.

– Кошенька, ты и правда живой? – прижав руки с зажатым в них шестом к груди и продолжая излучать радость, спрашивает женщина.

На всякий случай оглядываюсь, чтобы убедиться, что за моей спиной никого нет и женщина обращается именно ко мне.

– А мне как Карлуша сообщил, будто видел тебя живым и невредимым, – продолжает она, оглядывая меня с ног до головы, словно могла видеть сквозь плащ, – я и не поверила, но все же вызвала тебя. А ты сразу связь и оборвал почему-то. Я чуть погодя снова вызвала, и снова ты не захотел мне ответить. Потом и вовсе вызов перестал проходить. Вот я и решила сама наведаться. Ты уж, Кошенька, извини меня, старую. Я и сама уже как только себя не корила, что через мою глупость извел тебя Иван, трухлявый пенёк с муравьями ему в зад. Так значит, не извел он тебя, Кошенька? Радость-то какая! Ой, а бледненький ты какой! Досталось тебе все же, вижу. Да ты отдыхай, Кошенька, сил набирайся. А я пока поухаживаю за тобой. Сейчас вот Машку подою...

– Кхм, э-э-э... Извините, – прерываю словоохотливую женщину. – Я вообще-то сюда случайно зашел. Шел по лесу... и зашел. А тут, кроме этих зверюшек, никого нет. Ну, вот как бы и все. Меня, кстати, Георгием зовут.

– Куда? – вперивает в меня большие зеленые глаза гостя.

– Что – куда? – не понимаю я.

– Зовут тебя, Коша, куда?

– Э-э-э... Я – Георгий. Для вас просто Жора, – старательно изображаю должную казаться милой улыбку.

В широко открытых глазах красавицы появляется жалость. Выронив шест, она тянет ко мне руки. Шест падает, ударив по хвосту ужа, который, воспользовавшись моментом, обвил козью ногу, припал к соску и хлещет молоко большими глотками. А коза, зараза, не только не возмущается, а даже глаза прикрыла от удовольствия.

– Что же я, старая, наделала-то? – вдруг начинает заунывным голосом причитать совсем даже не старая женщина, продолжая тянуться ко мне руками, будто желая обнять, но не решаясь. – Нешто ты, родименький, умишком повредился?

Если это все же не сон, насчет умишка она может оказаться права. Однако я совсем не против ее объятий и даже делаю шагок навстречу.

Но понимаю, что не смогу ответить, не распахнув свой плащ, и останавливаюсь.

Женщина все же подходит вплотную, слегка коснувшись меня высокой грудью, берет мою голову маленькими теплыми ладонями и пристально смотрит в глаза. Я словно проваливаюсь в зеленый омут ее красивых глаз...

Дальнейшее помню как в тумане.

Я превращаюсь в безвольного болванчика и лишь краешком сознания отмечаю

происходящее.

Взяв за руку и ничуть не стесняясь распахнувшегося плаща, зеленоглазая ведет меня к бане, где усаживает на расположенную в тени берез скамейку. Сама направляется к поленнице и, набрав охапку дров, скрывается за дверью. Вскоре из печной трубы начинает струиться дымок. Женщина что-то говорит мне и убегает к дому. Вновь появляется, заставляет меня выпить чашку теплого жирного молока и опять убегает. Некоторое время она периодически мелькает перед глазами, бегая от бани к дому и обратно.

И вот рыжая тащит меня в парилку, попутно не только содрав мой плащ, но и разоблачившись донага сама.

Позже я сплыву происходящее на глубокое погружение в гипнотический транс, в который меня ввела зеленоглазая колдунья. А как иначе объяснить мое равнодушное отношение к стройному телу обнаженной красотики?

Но, что удивительно, никакой транс не лишает меня возможности испытывать блаженство от банных процедур. А рыжая толк в этих процедурах знает. Сперва мы, забравшись на полоч, как следует прогреваемся. Потом она, несмотря на свою кажущуюся хрупкость, довольно продолжительно обрабатывает меня сразу двумя вениками. Затем выталкивает из парилки к озерцу и обливает ледяной водой, черпая ее ведерком прямо из водоема. И снова парилка, ковш ароматного настоя на камни и веники.

С блаженством вдыхаю вечерний прохладный воздух, расположившись на лавочке под березками. Рыжая в это время снова протапливает баню. И все повторяется.

Вот я опять сижу на скамейке, теперь уже одетый в полотняные портки и длинную рубаху-косоворотку. В голове ни единой мысли. Просто сижу и наслаждаюсь созерцанием ярких звездных узоров на ночном небе.

Появляется рыжая и ведет меня за руку в дом. Там на столе в свете масляного светильника поблескивают медными боками самовар. Рядом большое блюдо с горой пышных пирогов. Проверяю на себе, что глубокий транс аппетиту не помеха.

Пока насыщаюсь, зеленоглазая подтверждает, что является не просто гипнотизершей, способной погружать в транс добропорядочных людей, а самой настоящей ведьмой. Она ставит на стол наполненную водой миску, что-то шепчет, водит над ней руками, затем дует. Вода в миске вдруг чернеет, и как только рябь успокаивается, появляется изображение лица голубоглазого блондина, занятого подравниванием небольшой аккуратной бородки с помощью огромных, внушающих уважение ножниц. Завидев нас, он недовольно хмурится и что-то бурчит, обращаясь к женщине. Однако, переведя взгляд на меня, застывает с открытым ртом на полуслове. Рыжая начинает ему что-то объяснять, но я не прислушиваюсь. Я наелся, и мне теперь хочется только спать. А разные переговоры по мисочным видеофонам ну совершенно не волнуют. С трудом выбравшись из-за стола, падаю на топчан, и мое сознание отступает под натиском сладкой дремы.

Просыпаюсь от переливчатого птичьего пения и не спешу открывать глаза, соображая – проснулся я во сне или на самом деле?

– Мур-р-р, – раздается над ухом.

Открываю глаза и вижу в проеме небольшого оконца сидящего на подоконнике кота Ваську. Значит, все еще сплю.

Но, сплю – не сплю, а вставать надо. Посмотрим, как говорится, что сон грядущий нам готовит...

Ага, на столе кувшин с молоком и пироги. Может, сперва сходить умыться? Не, чего ходить туда-сюда без дела!

За завтраком восстанавливаю события вчерашнего приснившегося дня. Ну, огромная лягушка в подземном озере – это явный бред. Тут без вариантов. А вот сон про рыжую парашютеристку весьма приятен. Особенно про баню, кхм... М-да... Смущает только моя реакция, а вернее ее отсутствие, на голую ведьмочку. Еще подумает, что я импотент. И вообще, после встречи с ней я был какой-то неадекватный. Ну, точно она меня загипнотизировала.

С улицы доносится картавое покаркивание. Допив молоко, выхожу посмотреть. На лужайке перед крыльцом развалился кот. Он раздраженно елозит по траве хвостом, за который его пытается ухватить мощным клювом здоровенный ворон. Пернатый раз за разом промахивается и недовольно каркает. Это просто мутант какой-то, а не птица. Таких больших воронов просто не бывает.

– В зоопарке пополнение, – констатирую я, потягиваясь.

Васька отвлекается на мое появление, и ворону удастся ухватить его хвост.

– Му-а-а-а! – истошно возмущается кот и пытается заехать когтистой лапой по наглой птичьей морде. Но ворон подпрыгивает и в один взмах могучих крыльев оказывается за десять шагов от пострадавшего. Заложив крылья за спину, он важно вышагивает, издевательски каркая и косясь одним глазом на вылизывающего хвост кота.

Направляюсь к озеру, чтобы умыться, и обнаруживаю там рыжую. Женщина занимается постирушками. Останавливаюсь, чтобы лучше ее рассмотреть. А то от вчерашних впечатлений в памяти только зеленые глаза да стройная фигура.

Стоя по колено в ледяной воде, рыжая полощет белье, отжимает и бросает его в деревянное корыто. На ней надета зеленая рубаша из грубого полотна, мокрый подол которой едва достает до колен. Волосы убраны под платок, завязанный смешным бантиком на темени.

Вздрогнув от карканья подкравшегося сзади ворона, она плещет на него водой, и тот, забавно переваливаясь, отбегает.

– Кошенька, ты проснулся, – мило улыбается зеленоглазка, увидев меня.

Вытирая мокрые руки о подол рубашки, при этом задрав его гораздо выше колен, она направляется ко мне. Не в силах оторвать взгляда от стройных ножек, отмечаю соответствующую реакцию организма, и с удовлетворением думаю о вчерашней бане как о нетипичном случае. Просторная длиннополая рубашка скрывает реакцию организма на стройные ножки симпатичной женщины от посторонних глаз. Но так как эта самая симпатичная женщина намеревается меня обнять, то наверняка наткнется на эту самую

реакцию моего организма. Еще примет за маньяка.

Поспешно хватаю корыто с бельем и, отгородившись им, вопрошаю:

– Куда отнести?

Мы идем к березкам, и, пока рыжая развешивает портки и рубахи на натянутых веревках, я решаю наконец-то познакомиться:

– Извините, э-э-э... Мне, право дело, неловко. Мы общаемся уже второй день, а я до сих пор не знаю, как вас зовут...

– Куда? – удивленно поднимает брови женщина, закинув на веревку последние портки.

– Что – куда? – не понимаю вопрос.

– Зовут нас куда? – говорит она.

Создается впечатление дежавю. Будто бы такой диалог уже имел место быть. После некоторой заминки поясняю:

– Мне хотелось бы знать, как я могу к вам обращаться? То есть как ваше имя?

Зеленые глаза снова наполняются жалостью, и женщина тянет ко мне руки, намереваясь обнять.

– Ох, не прощу я себе, старой, что навлекла на тебя беду, Кощеюшка...

В памяти всплывают подробности нашей вчерашней встречи. Именно после такого диалога эта экстрасенша вогнала меня в транс, превратив в безвольного болвана-импотента. Поэтому продолжаю отгораживаться пустым корытом, которое все еще держу в руках. Не, повторить банные процедуры я не против. Но только в здравом уме. Я опускаю взгляд на стройные ноги. Можно даже баню не топить...

– Да брось ты это корыто, – с долей раздражения в голосе говорит рыжая, так и не сумев до меня дотянуться.

– И все же, какое ваше имя? – продолжаю настаивать я.

– Да Яга я, Кошенька, Яга! – Она пытается вырвать из моих рук корыто.

– Очень приятно. А я Георгий, в смысле, Жора. – Я сопротивляюсь, но, поняв, что это несколько невежливо, выпускаю посудину из рук. Не ожидавшая что я так быстро сдамся Яга падает вместе с корытом. Мой организм вновь адекватно реагирует на взметнувшийся подол. Но я, не обратив на это внимания, спешу помочь женщине подняться. Та, невольно прильнув ко мне, вдруг резко отстраняется, бросает удивленный взгляд на то место, где под подолом рубахи скрывается моя реакция, затем, прищулив левый глаз, подозрительно, с некоторой долей лукавства смотрит на меня.

– Ты чего это, старый охальник, удумал, а? Нешто меня возжелал? А?

– Э-э-э... – Не могу сообразить, что ответить. – Я тут это... умыться к озеру шел...

Подойдя к вытекающим из каменной стены струям, скидываю рубаху и обмываюсь по пояс до тех пор, пока все тело не покрывается зябкими мурашками.

– Брр, – передергиваю плечами от холода, разворачиваюсь... и чуть не падаю в воду от неожиданности. Прямо передо мной стоит улыбающаяся Яга, если я правильно расслышал ее имя, и протягивает полотенце. Беру его и начинаю с усердием вытираться, не забыв поблагодарить: – Спасибо.

– Сегодня должен Лешик явиться. Он тоже рад, что ты не сгинул, и хочет с тобой пообщаться, – сообщает рыжая и, вздохнув, добавляет: – Только он еще не знает, что ты возрожденный. Да я и сама привыкнуть не могу. На моей памяти такого никогда не было.

Пожалуй, пришло время выяснить, за кого меня тут принимают. Кто такой этот Коша, с которым меня путает эта милая женщина? Ну и следует прояснить череду других вопросов.

– Извините, – говорю, натягивая рубаху, – что значит возрожденный?

– Ой, родименький, я и сама толком понять не могу, – разводит женщина руками. – Я давеча в душу тебе заглянула, а она чиста, будто у младенца. Или нет, не как у младенца. Есть в ней нечто, что не поддается моему разумению. Не будь ты первочеловеком, ни за что бы не поверила, что это ты.

– Ничего не понимаю, – признаюсь честно. – А есть здесь где-нибудь зеркало? Очень хочется на себя посмотреть.

Яга со вздохом берет стоявшее возле бани ведро, зачерпывает из озера воду, проводит над ней рукой. Вода сперва чернеет, затем поверхность становится зеркальной.

– Обалдеть! – Я искренне обалдеваю от такого фокуса, но, вспомнив, что это всего лишь сон, принимаюсь рассматривать свое изображение.

М-да... Я подозревал, что не являюсь красавцем, но во сне-то можно было подобрать более симпатичную внешность. Ну вот что это за жертва радиации? Физиономия явно не моя. И ладно еще абсолютно голый череп, но отсутствие ресниц и бровей – это перебор. Даже удивительно, как эта рыжая красотка столь благожелательно относится к такому уроду. А может, она какая-нибудь извращенка? Хотя, если не обращать внимания на отсутствие волосяного покрова, черты лица правильные. Я бы даже сказал, идеальные. В реальности такие можно увидеть только в глянцевах журналах на подредактированных фотошопом фотографиях голливудских актеров. Кстати, перевожу взгляд на рыжую, теперь понятно, что так смущало меня в ее лице – такая же идеальность, я бы даже сказал, кукольность.

– Да ты, Кошенька, не расстраивайся, – она будто прочитала мои мысли, – отрастут бровки и реснички.

Открываю рот, желая в очередной раз сообщить, что я Жора, а не Коша, но, взглянув на изображение в зеркальном ведре, спрашиваю другое:

– А на голове волосы отрастут?

– Отрастут, – сообщает женщина, и в ее голосе слышится сожаление. – Придется тебе снова ежедневно брить свой череп.

– Зачем? – не понимаю я.

Она, похоже, тоже не понимает моего вопроса и озадаченно хмурится.

Беру собеседницу под руку и веду к скамейке, на которой отдыхал вчера после бани.

– Уважаемая Яга, – начинаю, усадив ее рядом с собой, – не знаю, возрожденный я, перерожденный ли или умалишенный, но... Но я ничего не понимаю. А понять хочется. Не могли бы вы, уважаемая, растолковать мне для начала хотя бы, кто я, где я и почему я?

– Чей-то ты мне все выкаешь, будто какой-то морийской княгине! Хочешь знать, кто ты есть? А и действительно, как же это я, старая, сама-то не сообразила... – Женщина встает передо мной, берет мою голову приятно теплыми пальцами, и я тону в глубоком омуте ее зеленых глаз.

Итак, я первочеловек – один из перволюдей, которыми многие века назад Создатель населил миры. Я – мельчайшая толика души самого Создателя, уплотненная до состояния физического тела. В этом есть главное отличие перволюдей от обычных людей. Простой человек состоит из смертной физической оболочки и помещенной в нее бессмертной души. Я же есть только уплотненная душа, потому бессмертен...

Неожиданно начавший вливаться в меня поток знаний резко прерывается. Я словно оглушенный трясую головой, стараясь прийти в себя. Когда мне это удастся, вижу нахмурившуюся Ягу и возникшее перед ее лицом марево, из которого смотрит уже знакомый по вчерашнему вечеру блондин.

– Как самочувствие, Кощей? – обращается он ко мне. – Оклемался уже чи не?

До меня не сразу доходит смысл вопроса, ибо перевариваю полученную в транс информацию. Видя мою заторможенность, блондин переносит внимание на женщину:

– Чтой-то ты, Яга, медленно его лечишь!

– Тяжелый случай, – отмахивается женщина. – Ты как раз сеанс лечения прервал. Сам-то когда явишься?

– Говорю же, невесть что в лесу деется. Как бы не извели мои уголья под корень. Вас хочу о помощи просить. Из-за тебя, кстати, Кощей, все заварилось, – уставился он на меня голубыми глазами, – тебе мой лес и выручать.

– Ага, он те щас навyrучает, – кивает Яга. – Ты подробней расскажи, что творится-то?

– Так я ж говорю, снова Иван бедокурит. Он как Кощей победил, возомнил о себе невесть что. То ли со скуки, то ли от дури, а может, хмельного меда перебравши, решил идти на Черный кряж волотов бить. У них де полно пещер, набитых несметными сокровищами.

– Сказано дурак, он и есть дурак, – качает головой Яга. – А волоты об этом знают?

– Об Иване-то?

– О сокровищах своих несметных.

– Дык какие у них сокровища, Яга? И зачем они им? Чай, не людишки алчные. Но то полбеда, Яга. К дураку-то, после того как слава о его победе над Кощеем разлетелась, такие же идиоты, силушкой не обиженные, со всех окрестных царств-королевств так и потянулись. Да каждый с дружиною своею. И в итоге выступил Иван на волотов во главе цельной рати.

– И-итить твою жабу коптить, – витиевато выражает свои чувства Яга. – И чего ж ты, Лешик, нешто пропустил оглоедов через лес?

– Погоди, Яга. Знаешь же, что мой лес не всякая рать пройти сможет. Да только известно, что дуракам закон не писан, ибо они свои законы придумывают. Вона один дурак малость Кощей не извел, а ежели их тыща? А? Вот то-то же. Признаюсь, боязно мне стало. Я им и открыл дорожку к холму, где братец мой спит.

Ахнув, рыжая опускается на лавку, приятно прижавшись ко мне бедром.

– Нешто ты Лихо разбудил?

– Не пришлось, – отрицательно мотает головой блондин.

– Ф-фух, – облегченно выдыхает Яга.

– Они его сами разбудили.

– Тьфу! – от досады бьет меня кулаком по коленке женщина.

– Там же у северного склона холма как раз то болото, в которое ты посылала анчутку притворяться Царевной-лягушкой, с чего, собственно, все и началось когда-то.

– Я же просто пошутить хотела, – виновато говорит рыжая, обращаясь почему-то ко мне.

– В общем, велел Иван разбить на холме лагерь и три дня праздновать его былую встречу с этой самой лягушкой-царевной, – продолжает рассказчик сквозь плавающее в воздухе видеоокно. – Сами понимаете, к вечеру все войско хорошенько поднабралось медовухой да

винами заморскими. И, наслушавшись невероятных историй о местных лягушках, восхотели подстрелить и себе по одной.

– И? – нетерпеливо вопрошает Яга.

– Что – и? Натянули луки и давай пускать стрелы во все, что в болоте шевелится. Это ж тыща стрел на каждый шорох, на каждое шевеление. Ох, не одна русалка да мавка в качестве доказательства неслыханного беспредела болотнику похожий на ежа зад предьявила!

– А ты-то чего ж не пресек безобразие? – тычет пальчиком в изображение блондина Яга.

– А я знал? Меня как раз Кощеев братец отвлек.

– Мой? – удивляюсь я. – Он что, тоже здесь?

– Пока нет, – качает головой блондин. Но скоро будет. Вий как узнал, что Иван тебя извел, так и решил, что негоже твои владения бесхозными оставлять.

– Ниче не понимаю, – признаюсь я. – Какой еще Вий?

– Братец твой, какой же еще. Нешто другого Вия знаешь?

– Да не помнит он ничего, – объясняет за меня рыжая. Тяжелый случай. Я мыслила рассказать тебе все, как прибудешь, а ты вона какие каши в своем лесу завариваешь.

– А не ты ли энту кашу заварила-то?

– И что там Виюшка? – ушла от ответа Яга.

– А что Вий... Кликнул слуг да и двинул в Кошееву вотчину. Кабы его челядь могла на дневной свет вылезать, глядишь, уже бы на месте были. Я, конечно, дороги да тропки все ликвидировал, елями вековыми загородил. Мне бы, ежели б ты, Кощей, на самом деле сгинул, твое хозяйство и самому бы сгодилось. Но разве ж Вия такие преграды остановят? Закинет веки за спину и прет сквозь чащобу, аки лось. Да еще и все первотвари пред ним раболепствуют – и дорожку в обход бурелома покажут, и веточку, дабы в глаз не воткнулась, отклонят. Тьфу... Вот я уж отыграюсь на этой мелочи лесной опосля! Они у меня попомнят, как кого ни попадя по моему лесу водить.

– А я тебе говорила, Лешик, – качает головой рыжая, – строг ты с ними больно. Вот они и отплатили за неподобающее отношение. Ну да ладно. Прется, значит, Виюшка сюда ночами. А что ж Иван? Он ли Лихо разбудил?

– А вот пока я Вию препоны создавал, Иван все куролесил со своей ратью. В том болоте не то что лягух всех повыбили, пиявок и тех извели. Мошка да комарики на другие болота улетели, устав от стрел уворачиваться. Уже болотник ко мне берегиню прислал с мольбою помочь ему избавиться от неугомонных людишек. А я что могу? Ты, Кощей, не чета мне, а ить с одним Иваном справиться не смог. А тут тыща таких Иванов. Ну, я болотнику не стал говорить, что нарочно рать к холму у болота вывел. Посоветовал обождать, когда у них хмельные напитки кончатся. Тогда, мол, заскучают и уйдут.

– Уж не рад небось был, что не пустил Ивана со товарищи к Черному кряжу? – вопрошает Яга.

– Ну да. Тогда б еще хуже было. Это ж они туда через весь лес да оттуда... Это что б с лесом стало? Не, нам такого счастья не надо.

– Значит, отказал ты болотнику в помощи?

– Ну-у... – Блондин замялся, будто решая, говорить ли, нет ли. – Я че помыслил...

– Че? – заинтересованно уставилась на него женщина.

– Клинь-то клином вышибают. Вот и проложил я удобную тропку для Вия со свитой к холму, где людишки веселились.

– И-итить твою жабу коптить! – Рыжая чувствительно лупит меня кулачком по колену. –

И че? Небось при виде Вия людишки по всему лесу разбежались, и ты теперича хочешь, чтобы мы помогли их повылавливать да повыгонять?

— Ага, как же, разбежались. Говорят, когда они много хмельного употребят, страшилища почище Вия чудятся.

— Нешто не убоялись?

— Кабы просто не убоялись, то ладно. Есть среди дружков Ивана такой Илюха. Дурень почище царевича. Дык он стрелу Вию аккурат в нос впендюрил и тут же возжелал его. Кричит: мол, это моя Царевна-лягушка! Мол, я щас с ней пересплю, и она вмиг в красавишну почище Ивановой Василиски превратится. Тут Иван, знамо, обиделся. Хоть и осточертела ему твоя, Яга, анчутка в личине царевны, отчего, подозреваю, и намылился в ратный поход, а все ж сравнивать Кощеева братца с ней ему показалось оскорбительным. Заявил он Илюхе, что Вий никакая не Царевна-лягушка, а жаба бородавчатая, питающаяся слизнями да земляными червяками. Тут уже Илюха за честь возлюбленной вступился, заехал в лоб Ивану латной перчаткой, предлагая ратиться.

— А Виюшка-то что? — Рыжая прямо-таки ерзала от нетерпения.

— А ничего. Ему как стрела в нос попала, так веки и захлопнулись. Сам-то их поднять он, знамо, не осилит, а челяди не до него. Слуг его, вишь, ратники спьяну за нашествие царевен-лягушек приняли, со всеми вытекающими из этого казуса последствиями. В общем, не до повелителя Виевой челяди стало. Им бы, бедолагам, свою честь уберечь. В общем, тут не только болото, но и лес на полтыщи шагов вокруг холма вскипел, только сучья в разные стороны полетели. А Вий как встал со стрелой в носу, так и стоит столбом, орет, чтобы ему веки подняли, не подозревая, что его честь зависит от исхода поединка меж Ильей и Иваном. Те же все решить не могут, на мечях ли ратиться, на рогатинах ли, на кулачках ли молодецких или попросту, кто больше бочонков хмельного меда осилит?

— Весело там у вас, — вставляю и я слово.

— Веселье-то впереди предстоит, — сокрушенно качает головой блондин. — Ох и веселье...

— Да досказывай уже, чем дело закончилось? — снова проявляет нетерпение Яга. — Кто Лихоню разбудил?

— А Виевы челядинцы и разбудили. Как стали от лихих молодцев в холм закапываться, так братец от щекотки и проснулся. Открыл единственный глаз, а тут такое творится! Возрадовался Лихоня и давай радость-злобушку окрест расплескавшуюся впитывать. Вмиг дурной силушки набрался, аппетит нагулял и ну козни-пакости строить. Оно поначалу-то все вроде как успокоилось. Ратники, правда, все перессорились вслед за Ильей и Иваном. Но до драки дело не дошло. Разошлись каждый своей дорогой по своим царствам-королевствам. Успокоившиеся челядинцы стрелу из носа Вия выдрали, веки ему подняли, и отправился он восвояси, забыв о Кошеевом хозяйстве. Я, дурной, ужо порадовался: мол, в кои-то веки братец помог порядок в лесу восстановить. Ага, щас. Помог, туды его в единственный глаз.

— Вот я отхожу тебя жердиной по спине-то! — вскакивает с лавки рыжая и угрожающе замахивается на парящее в воздухе видеоокно невесть откуда взявшимся в ее руках шестом. — Тянешь, тянешь, ажно всю душу в косички заплел! Говори уже, чем все закончилось и какую помощь от нас мыслишь получить?

— А я и говорю, плохо все закончилось. Сразу три царства и три королевства Мудромыслу войну объявили из-за обид, нанесенных сыном его Иваном их царевичам-королевичам, — это раз. А два — дык твой братец, Кощей, разобиделся на меня, решив, будто

это я ему препону со стрелой в нос учинил...

– Так ты ж и учинил, – перебивает блондина Яга.

– Я свою собственность защищал, – пытается оправдаться тот.

– Да-а? – ехидно подбочивается рыжая. – С каких это пор Кощеева собственность твоей стала?

– Да, – решаю поддержать Ягу, начиная подсознательно ассоциировать себя с этим самым Кощеем.

– Дык я же это... – Блондин растерянно тербит бородку. – Я ж мыслил, что тебя нет. Мыслил, сгинул ты вовсе...

– Запомни раз и навсегда, – входя в роль, поднимаюсь с лавочки и тыкаю пальцем в блондина, – мыслить – не твоя прерогатива. Это раз. А два, коль уж я Кощей и ты против этого не возражаешь, то должен знать, что мое второе имя Бессмертный. Вкурил?

Наехав на мужика из видеоокна, украдкой покосился на рыжую. Во взгляде той увидел восхищенное умиление.

– Кошенька, ты приходишь в себя! – радостно сообщает она.

– Так мне надо было пропустить Вия сюда? – обиженно спрашивает блондин. – Он, между прочим, собирает свиту побольше, дабы снова прийти и извести мой лес. А все, между прочим, с твоей шуточки началось, Яга. И Кощей через тебя пострадал, и я теперь...

– Ну ладно, ладно, – обрывает стенания мужика рыжая. – Чего разнылся-то?

– А то и разнылся! Хочу, чтобы Кощей своего братца усмирил. А ты, Яга, моего успокоила да усыпила. Не то все мы тут лиха хапнем. Мало никому не покажется.

– Вот же напасть-то, – качает головой Яга, как только видеоокно растворяется в воздухе. – Хошь не хошь, а выручать Лешего надо.

– Так это леший, значит? – уточняю личность блондина. – Я его таким пнем с ножками и ручками представлял.

– Эт морок для людишек, – задумчиво поясняет Яга.

– Морок? – переспрашиваю, но, видя, что рыжая все сильнее погружается в собственные мысли, повышаю голос: – Какой еще морок!

– Да что ж ты кричишь-то? – вздрагивает женщина. – Обычный морок, какой все мы на себя накидываем, чтобы назойливых людишек отпугнуть. Я им старой хромой горбатой каргой вижусь, с вот такенным носом, и на нем вот такая бородавка!

– Баба-яга костяная нога, что ль?

– Ой, Кошечка, к тебе и правда память возвращается! – радостно хлопает в ладоши рыжая.

– А я, типа, обтянутый кожей скелет?

– Ох и жутчайшего вида старикашкой ты рядился, жуть! – передергивает плечами Яга.

– Можно подумать, ты симпатичной старушкой людям являешься, – незаметно для себя перехожу в обращении с рыжей на «ты».

– Не, мы-то с Лешиком мороки только при встрече с людишками надеваем. А вот вы с братцем Виём уже какой век личины не снимали. Я уже и забывать ваши лица стала. А Лихоню и не помню вовсе. Будто всегда такой жердиной одноглазой был. Если честно, – Яга взяла меня за локоть и прильнула вплотную, – я где-то даже благодарна дурню Ивану за то, что он вернул тебе прежний образ. Ну ее, ту личину, Кошенька! Я же не ряжусь пред тобой каргою старой.

– Да я и не знаю, как это делать, – пожимаю плечами, стараясь не выказывать удовольствия от столь откровенного расположения ко мне рыжей красотки. – Но надеюсь научиться, мало ли... Ты не против, если я задам несколько вопросов?

– Кому?

– Кролику, – киваю на скачущего мимо зверька.

– Коша, – рыжая качает головой, – кролик разговаривать не умеет.

– Тогда тебе, – отвечаю, начиная испытывать некоторое раздражение от столь наивной непосредственности, и понимаю, что интересующие меня вопросы вдруг все переплелись-перепутались в голове, а я не могу вытянуть из путаницы наиболее важный. Потому спрашиваю первое попавшееся на язык: – О какой твоей шутке все время упоминал Леший?

– О какой? – изображает наивное недоумение Яга.

– Это я у тебя спрашиваю, о какой? – Рыжая мне более чем симпатична, однако я начинаю раздражаться.

– А-а-а... – якобы догадавшись, о чем речь, протягивает она. – Да это он про Царевну-лягушку, которую я Ивану подсунула... Ну я, пожалуй, полечу. Надо ж Лешикку помочь усмирить Лихоню. Не то все царства-государства промеж собой передерутся. А ты тут, Кошенька, приходи в себя да помысли, как братца усмирить, дабы он наш лес в покое оставил.

– Погоди, Яга, – хватаю ее за руку и с некоторым усилием усаживаю на скамейку. Я,

конечно, знаю сказку о Царевне-лягушке, но чую, что в недомолвках рыжей кроется какой-то подвох. Потому решаю прояснить ситуацию: – Не спеши. От царств-государств не убудет, если они маленько повоюют. Короче, колись давай!

– Чего делать? – Яга испуганно округляет зеленые глазищи.

– Рассказывай, говорю, все как есть про Царевну-лягушку. Чую, мне это знать просто необходимо.

– Ой, Кошенька, да расскажу я все! Только не заставляй меня колоться, – испуганно умоляет она и под моим пристальным взглядом рассказывает настоящую историю про Царевну-лягушку, а не ту сказку, которой потчуют детей.

Если вкратце, дело было так.

Начало, в принципе, правильное. Было у царя, звали его Мудромыслом, три сына. Кстати, умом все трое не отличались. Но младший, его Иваном звали, ко всему был недюжинной силы. А сила, как известно, уму могила. Правда, одно полезное новшество благодаря Ивану появилось, за что порубежная стража искренне ему благодарна.

А получилось вот что. Старшие братья, как, собственно, и весь честной народ, любили пошутить над дурачком. То одну каверзу замысляют, то другую. И радостно им от этого становилось. Вот раз позвали они Ивана и говорят: мол, есть такое поверье, что ежели не останавливаясь обежать рубежи царства, таща за собой крестьянский возок с сеном, то сразу станешь умным, аки тот звездочет, что гостил у них в прошлом году вместе с повелителем южного королевства и рассказывал много интересных историй. Ивану давно надоело, что его дураком кличут, и с утра пораньше впрягся он в приготовленный заботливыми братьями возок и понесся, словно застоявшийся конь. Сами братья, запасшись провизией в долгую дорогу, спали в возке под сеном. Мало того, сзади волочился плуг на три лемеха, оставлявший широкую вспаханную полосу. Долго ли Иван обегал рубежи отцовского царства, Яга не знает, но в итоге получилась первая контрольно-следовая полоса, сильно облегчившая порубежной страже обнаружение и поимку различных лазутчиков и контрабандистов. А Иван с тех пор считает себя необычайно умным и бьет всякого осмелившегося назвать его дураком, мотивируя тем, что лишь у него одного со всего царства хватило ума на такой забег.

История интересная, однако напоминаю Яге, что желаю слышать именно про Царевну-лягушку. Вздохнув, та продолжает.

В общем, Мудромысл, тоже своеобразного ума человек, решил оженить своих сыновей, думая, что хоть семейная жизнь остепенит его оболтусов. Ну и, как в сказке говорится, не придумал ничего умнее, как заставить отпрысков стрельнуть из луков с закрытыми глазами. В какую сторону чья стрела улетит, там царевич и должен взять в жены первую попавшуюся девку, лишь бы та подходила по сословию и была целомудренна.

Услыхала про это Яга. А она ж первочеловек, а значит, все человеческое ей более чем не чуждо. Вот и решила подшутить над дурачком. Посланная ею анчутка повернула Ивана так, что тот пульнул в сторону леса. Дурень, он дурень и есть, куда стрела полетела, туда и поперся напрямую через буреломы, аки лось. На третий день вышел к болоту у Лихониного холма. А там сидит анчутка, обернувшаяся по наущению Яги большой лягушкой с золотой короной на маковке и во рту его стрелу держит.

Ну, дальше все как в сказке. Только сказка-то писалась по сценарию Яги, а под личиной Василисы Прекрасной скрывалась все та же анчутка. И на меня рыжая бестия натравила Ивана ради шутки. Думала, посмеюсь я над дурнем да прогоню его восвояси. Ан когда

поняла, что перед дурной силой и бессмертие не устоит, повелела анчутке вернуться к Ивану. Да было уже поздно, я сгинул, и все поверили, будто безвозвратно.

– Ты уж прости меня, Кошенька, – закончив повествование, Яга смотрит жалостливым взглядом, – я не со зла. Кто ж знал, во что шутка выльется...

– А что с анчуткой-то? – не обращаю внимания на ее мольбу. – И кто вообще эта анчутка такая?

– Анчутка-то? Дык первотварь обычная, кто ж еще. А живет она теперь во дворце. Поначалу молила, дабы позволила я ей скинуть людскую личину да к обычным проказам вернуться. Потом свыклась, во вкус вошла. Ох и вошла во вкус... Говорят, никому во дворце от нее житья нет. А еще говорят, ты не поверишь, будто понесла она от Ивана. Врут, знамо. Не может первотварь от человека понести.

– Дуракам закон не писан, – ухмыляюсь я.

– Это да, – соглашается рыжая.

– Яга, а кто такие первотвари?

– Знамо кто – первые твари, которыми Создатель населил миры: анчутки, мавки, болотники, кикиморы и все те, кого людишки по злобе и недомыслию нежитью кличут. Да они и нас, прародителей своих, нежитью кличут, дитятки непутевые.

– Не понял. Кто чьи дети и прародители?

– Ох, Кошенька, – качает головой зеленоглазка. Она поняла, что я особо не серчаю на нее за злую шутку, и уже не спешит улетать. – Совсем ты все позабыл. Оно, может, и к лучшему. Мне ой как много вспоминать не хочется. Прямо-таки некоторые века так бы целиком из памяти и вычеркнула. Первых-то людей мы рожали. Но не дал им Создатель вечной жизни, и век каждого поколения все меньше и меньше становился, пока до ста годков не снизился. Тогда короткоживущие смертные от зависти невзлюбили тех, кто больше их живет, прозвали нечистой силой и принялись уничтожать, да так рьяно, что за несколько веков почитай всех и извели. Ох и тяжело же было видеть, как наши дети друг друга уничтожают. Решили мы не рожать больше детей, отдав мир короткоживущим потомкам. Позже многим из нас людская злоба передалась. Вон Вий с Лихоней что творят теперь. Да и ты злым не хуже их был. Мы-то с Лешиком хоть понапрасну вреда не творим. Ну, токмо ради шутки, кхм... Есть, правда, и такие, как моя сестрица Кострома. Ее народец любит и чтит. Вот кого отыскать-то надо, чтобы Лихоню уладила. Она всегда умела промеж нас лад устроить.

Решаю не спрашивать, кто такая Кострома, ибо мой мозг и так перегружен сверх меры, и сон, если это сон, начинает казаться утомительным и грозит стать кошмаром.

Но все же, вспомнив про гигантскую лягушку из подземного озера, не удерживаюсь и задаю еще один вопрос:

– А вот это вот большое и квакающее, – описываю круг руками, показывая нечто необъятное, – что живет внизу в пещере, это кто? Тоже кто-то из перволюдей, сросшийся с наброшенной личиной?

Рыжая хмурит брови, соображая, о ком я говорю. Но вот черты ее лица проясняются, и она весело смеется.

– Маркуль-то первочеловек? Ой, уморил ты меня, Коша! То ж твой ездовой лягушонок. Ты его цельных пять веков вскармливал.

– М-да... А этот твой ворон-мутант, он кто?

– Карлуша это, а не мутан. Он первозверь, как и твой Василий, – Яга кивает, указывая на

шипящего на Карлушу кота, – и Машка, и другие твои питомцы.

– Ясно. А почему все в одном экземпляре, а кроликов несколько?

– Как это несколько? – удивляется Яга. – Кролик у тебя тоже один. Первокрольчиха у Лешика живет.

– Не. Я точно видел одного кролика под яблоней, а одного в капусте.

– А то один кролик и был, – отмахивается рыжая. Просто ему сразу и яблочка, и капустного листа захотелось. Ох и непонятливый ты стал, Кощеюшка...

Накормив меня вкусным кулешом, который, как Яга заявила, научил ее готовить я, рыжая улетела. Сложив крыло парашюта в похожую издали на ступу плетеную корзину, отказавшись от помощи, Яга так резво побежала вверх по каменной лестнице, что я едва поспевал за ней, даже шагая через две ступени.

– До встречи, Кошенька! – крикнула она, вбежав на террасу, и, не останавливаясь, прыгнула со скалы.

Когда прозвучал хлопок раскрывшегося крыла парашюта, мне показалось, что это разорвалось мое сердце.

Но вот из-за парашюта поднялся парящий аппарат, и я увидел, как Яга, держась за стропы, ловко забирается в корзину.

– Чокнутая! – машу рукой ей в ответ.

– Кар-р, – раздается над головой.

– Придурок картавый! – ору вслед догоняющему Ягу ворону. – С вами зайкой стать недолго.

Спускаясь вниз, думаю о том, как много вопросов осталось невыясненными.

Во-первых, как связаться с Ягой и Лешим? Ясно, что надо как-то поколдовать с водой, набранной в посудину. Но как это сделать и есть ли у меня способности к колдовству? Я хоть и в теле Кошечки, но душой-то не он. С другой стороны, полученные знания говорят, что тело первочеловека есть уплотненная до физического состояния душа. Это тогда что получается, моя душа попала в душу Кошечки? Тогда где его сознание? Брр... Лучше считать этот маразм сном, а во сне задумываться над подобными вещами не принято.

Во-вторых, как в случае нужды я смогу покинуть этот райский уголок? Мост через ущелье валяется внизу грудой обгоревших обломков. Летательных аппаратов вроде парашюта Яги нигде не видно. Да и не настолько я отмороженный, чтобы летать на таких штуках. А если ущелье можно перепрыгнуть на живущем внизу квакающем динозавре? Назвала же Яга его ездовым лягушонком. Нет, к такому экстриму я тоже не готов.

Ну и в-третьих, еще целая куча вопросов...

Вторую половину дня слоняюсь из угла в угол. Снова поднимаюсь наверх и прохожу круг по террасе, оглядывая однообразные окрестности. Спускаюсь вниз с мыслью посмотреть, куда ведут еще два арочных прохода. Но после того как всплывший лягушонок радостно отправляет меня в нокдаун, приветственно шлепая кончиком слизистого языка по лицу, спешу вернуться назад и тщательно умыться.

Вечером прибегает коза Машка и, требовательно мекая, трясет полным выменем. Интересно, где она может пастись в этом замкнутом пространстве так, чтобы я ее не видел? И еще интересней, как ее доить-то? Надо было хоть у рыжей проконсультироваться.

Решаю попробовать связаться с Ягой. Зачерпываю миской воду из ведра, ставлю перед собой и, ощущая себя идиотом, начинаю водить над ней руками.

– Шуры-муры-арматуры-унитаз, – проговариваю на всякий случай единственное известное мне заклинание.

Никакого результата. В воде по-прежнему отражается физиономия лысого идиота. М-да...

Вспоминаю все, что знаю о дойке молокопроизводящей скотины, обмываю вымя

водой... и неожиданно ловко справляюсь с задачей.

Рядом уже нетерпеливо дергают хвостами кот Василий и уж, имени которого Яга не упоминала. Приходится делиться.

Эх, а хорошо вот так жить-поживать на собственном хуторке! Еще бы рыжая ведьма рядом суетилась. Что-то я по ней уже скучаю...

На следующий день до полудня безрезультатно жду, что либо Яга, либо Леший выйдут со мной на связь. Еще раз пробую связаться сам. В итоге в раздражении смахиваю миску со стола, залив водой шкуры на топчане и чуть не прибив деловито семенящую куда-то мышь. Возмущенно пискнув, та скрывается за печью.

Поняв, что от неопределенности и безделья могу двинуться рассудком, если, конечно, все, что меня окружает, не является результатом уже произошедшего сдвига, решаю найти способ, как переправиться на ту сторону расщелины.

Обуваюсь в сапоги, беру обнаруженный в кладовке за печкой моток веревки, через плечо перекидываю котомку, в которую по дороге срываю несколько яблок, похрустеть на досуге, и снова спускаюсь вниз.

Как только лягушонок, узрев меня, открывает зубастую пасть, бросаю в нее яблоко. Тот отбивает яблоко языком, словно теннисный мячик. Я едва успеваю пригнуться, и сочный плод с громким чавканьем разбивается о стену за моей спиной. Не знаю, насколько я бессмертен, но если бы получил с такой силой яблоком по голове, то сотрясение мозга как минимум было бы обеспечено.

– Маркуль! – вспоминаю, как называла лягушонка Яга, и командую, словно собаке: – Сидеть!

– Куа-а, – басом отвечает тот, моргая полупрозрачными веками.

Нащупываю скрытую под водой каменную тропку и начинаю осторожно переправляться на ту сторону. Маркуль погрузился в озеро, оставив на поверхности только огромные глаза, и наблюдает за мной, словно крокодил за приближающейся жертвой. Но с ласками не лезет, и то хорошо.

По пути прощупываю ногой левый край тропы и выясняю, что к двум другим отноркам ведут отдельные, не соединяющиеся с этой тропы. По одной я шел в первый раз, другую нащупываю, выйдя на берег. Подумав, решаю отложить исследование подземелья на потом, а сейчас отправиться на поиски переправы на лесную сторону ущелья.

До той стороны всего-то метров десять, и если бы там росло какое-нибудь дерево, можно было бы легко забросить на него веревку с металлической «кошкой». «Кошки» у меня нет, но и стена леса находится метрах в ста от края, а до нее совершенно голая каменистая равнина, на которой не растет ни единого кустика.

Ладно, посмотрим, можно ли спуститься вниз. Гигантские цепи свисают максимум на одну треть расстояния до дна. Опускаю вниз конец веревки – ее длины хватает с лихвой. Пропускаю верхний конец через звено цепи и, подумав, пропускаю еще раз. Затем обвязываюсь веревкой вокруг пояса, сажусь на край и сгрызаю яблоко.

Бросаю огрызок в бурный ручей и начинаю осторожно спускаться по цепи. Звенья достаточно широки, чтобы в них свободно вставала нога. Веревка скользит довольно свободно. Для подстраховки обматываю ее вокруг правого локтя, что замедляет спуск. Лишь поставив ногу в последнее звено, понимаю, что сложенной в два раза веревки не хватит до дна ущелья. Приходится, ухватившись покрепче, вытягивать веревку из верхнего звена и

снова продевать в одно из нижних. Веревки хватило как раз, чтобы опуститься на обугленный обломок толстого бревна. Отвязываюсь и связываю вместе концы, чтобы веревка не сползла с цепи. Спрыгиваю в ручей. Вода не достает до колен, но поток столь стремителен, что с трудом стою на подмываемой под ногами гальке. очередной раз прогоняю мысль о том, как вода может течь по кругу.

Начинаю пробираться через обломки моста и обнаруживаю под ними ход. Сверху его не было видно из-за скального выступа. Сдвигаю мешающее проходу бревно и, пройдя несколько шагов вглубь подземелья, обнаруживаю уходящие круто вверх каменные ступени. Ну вот, а я рисковал жизнью, спускаясь на сомнительной веревке. Но надо проверить, куда ведет лестница.

После продолжительного подъема прохожу узким коридором и выхожу к подземному озеру.

— Куа-а, — радостно орет зеленый мутант.

Поспешно отворачиваюсь, пригибаясь, но все же получаю приветственный шлепок языком по спине, выбивший воздух из легких. Пока восстанавливаю дыхание, размышляю над вопросом: если я всего лишь уплотненная душа, то откуда у меня легкие, из которых эта зеленая скотина выбила воздух?

— На место! — ору на Маркуля, когда наконец-то удается вздохнуть полной грудью.

Тот испуганно опускается под воду, оставив наверху только наивные тазики глаз.

Итак, теперь ясно, куда ведет еще один ход из пещеры. Осталось проверить только центральный. Но это позже. Сейчас нужно выяснить, для чего сделан спуск в ущелье. Явно не для походов за водой.

Возвращаюсь назад, пробираюсь через завал и иду вниз по течению. Через полсотни шагов поток падает с полуметрового порога, вздымая облако искрящихся брызг, за которыми и обнаруживается искомое — ход в противоположной стене ущелья. Наверняка он выходит наверх где-нибудь поблизости в лесу.

Кое-как пробираюсь к обнаруженной норе. Ручей ниже порога значительно глубже, выше колен. Да еще и дно усеяно крупными скользкими валунами. Сразу поскальзываюсь и падаю в ледяную воду с головой. Промокший и замерзший, выбираюсь в подземный ход и иду вглубь по щиколотку в воде. Мое новое зрение позволяет видеть в темноте так же хорошо, как и при солнечном свете, однако конца узкого прямого хода не видно. По ощущениям, иду уже около четверти часа. Под ногами все так же хлюпает вода. Надо полагать, ход выводит на поверхность на значительном удалении от ущелья. Возможно, идти придется целые сутки, а то и более.

Решаю вернуться и подготовиться к походу как следует.

На обратном пути, пробираясь через бревна, нахожу отполированный шест длиной с мой рост и с утолщением в виде черепа на одном конце. Сделан шест, вероятно, из крепкого молодого деревца, а череп вырезан из комля. Довольно стильная штука в качестве боевого посоха. Теперь внимательно осматриваю место крушения моста, но ничего больше не нахожу. Сдернув с цепи веревку и забрав единственный трофей, возвращаюсь домой, где меня встречают питомцы. Машка нетерпеливо трясет выменем, кот с ужом ждут молока, а кролик, колотя по земле передними лапами, требует яблоко. Только мышь с мохнатым пауком находятся на самообеспечении. По крайней мере, они еще ни разу от меня ничего не требовали.

Управляюсь с хозяйством, ужинаю сам и начинаю готовиться к завтрашнему походу.

Подготовка начинается с ревизии имеющейся в хозяйстве утвари. Собственно, что может пригодиться? Я никогда не был специалистом по походам, потому не знаю, что брать с собой в путешествие по неизведанному подземелью, которое должно в перспективе вывести в дремучий лес.

Как-то так получилось, что я без раздумий решил, что отправляюсь не на один день. Значит, необходимо запастись провизией. Копченых окороков, колбас, вяленой рыбы и даже банального соленого сала в погребе не оказалось. Там, кроме пустых закромов, на дне которых валяется несколько сморщенных корнеплодов, имеется в наличии полупустая кадка с квашеной капустой, и все.

В кладовке нахожу мешок с крупой, типа мелкой перловки. Так как котелка нигде не обнаружилось, брать с собой крупу не имеет смысла. Запечатанные обмазанными воском деревянными крышками глиняные горшки даже не трогаю. Мешочки с какими-то травками и семенами тоже оставляю на полках. Ага, а вот этот мешочек с сушеными яблоками возьму. А с утра еще нарву свежих. Заодно надергаю репы и чего там еще растет на грядках.

Вот с питьем проблема, не могу найти никакой подходящей тары.

Откладываю небольшой топорик, приличный, с локоть, нож в деревянных ножнах, моток веревки.

Все. Завтра с утра, может, добавлю еще что-нибудь. Сегодня устал и голова ничего не соображает.

Странно, почему Яга за целый день ни разу не вышла на связь? И Леший тоже. Может, они вдвоем... Чего-то вдруг захотелось набить морду этому блондину.

Утром обнаруживаю еще один полезный предмет. Вообще-то он всегда лежал на виду у печи, но мне все недосуг было сообразить, что это за подобие крупного напильника? Сегодня же, взяв лежащий на нем черный камень, сразу понял его предназначение. Резко ударил предметы друг о друга и получил приличный сноп искр. Ну вот, а говорили, будто Кощей колдун. Какой же он колдун, если добывал огонь не из пальца, а с помощью примитивного огнива? Испытываю некоторое разочарование. Было бы неплохо, если б я смог, щелкнув пальцами, воспламенить кучку дров или испепелить какого-нибудь врага.

Ну, пора и в поход выступать. Кто знает, вдруг удастся сегодня же вернуться. Может, даже до обеда.

Подпоясываюсь обнаруженной только сегодня толстой веревкой. Сую за нее топор и подвешиваю с помощью тесемки нож. Плащ, веревку, огниво и расфасованные в мешочки фрукты-овощи укладываю в котомку. На ноги сапоги, на лысину – широкополую соломенную шляпу, котомку за спину, в руки шест, и вперед. Вернее, сперва вниз.

– Маркуль, сидеть! – кричу, осторожно выглядывая в подземный зал, готовый мгновенно отпрянуть от стремительного языка.

Монстр послушно хлопает торчащими из-под воды глазами.

Выйдя на берег, оглядываюсь на центральный отнорок. Так и не удосужился выяснить, куда он ведет. Ладно, займусь этим, когда вернусь. Поднимаю небольшой камень и, с силой замахнувшись, швыряю его в темный зев центральной арки. Доносится глухой стук, непонятный шорох, и наружу вырывается стая больших летучих мышей.

Чмок-чмок-чмок! Язык лягушонка стремительной молнией ловит крылатых тварей. Зеленый глотает их не жуя и, насытившись, благодарит меня, захлопнув пасть с последней жертвой:

– Куа-а!

– Не за что, – благодушно отмахиваюсь я и, зазевавшись, получаю зубодробящий поцелуйчик смертоносным языком прямо в лицо.

Прежде чем подняться, на всякий случай семеню на четвереньках подальше от берега, стираю с лица мерзкую слизь, ощупываю нос, проверяю языком зубы. Вроде все цело. Встаю на ноги и поспешно покидаю пещеру.

По ощущениям, проходит не меньше часа, когда подземный ход начинает все круче подниматься вверх. Вот сквозь трещины в камне пробиваются корни, а под ногами проминается слой просыпавшейся сверху земли. Корни становятся все толще, и вот я уже пробираюсь в сплошном их переплетении. Наконец ход заканчивается. Теперь наверх ведет вертикальный колодец. Взбираюсь по переплетению корней и оказываюсь в деревянной трубе диаметром чуть шире моих плеч. Ближе к одному краю лестница из врезанных в трубу деревянных перекладин. Вверху сквозь щели вокруг непонятного нечто проникает свет. Начинаю подъем. Поднимаюсь на несколько перекладин, когда сверху раздается чмокающий звук, и мне на лицо падает что-то жидкое и мерзко пахнущее.

– К деньгам, – утешаю себя я, вытирая лицо, и бью посохом в расположившееся над моей головой нечто. Нечто оказывается мягким.

– Ух, – ухает оно и с шумом исчезает.

Теперь сверху большое овальное отверстие. Добираюсь до него и выглядываю наружу. Вот это да! Оказывается, я нахожусь в дупле гигантской ели метрах в четырех над землей.

– Ух, – возмущается сидящий меж ветвей на соседнем дереве филин.

Жаль, нечем кинуть в этого пакостника. Яблоко жалко.

Выбираюсь на расположенный под дуплом сук. С него перебираюсь на нижний и так далее, пока не оказываюсь на земле.

Вокруг неохватные, щетинящиеся лишенными хвоей нижними ветвями стволы. Темно-зеленые кроны закрывают небо, обрекая все, что находится на земле, на существование в вечном полумраке.

Ан нет, вот и солнечный лучик проникает сквозь ветви, освещая ярко-красную, с белыми бородавками шляпку мухомора. Подойдя к грибу, жалею, что нет с собой фотоаппарата – такой экземпляр заслуживает, чтобы его увековечили на снимке.

– Хи-хи! – Из-за елового ствола раздается звонкий девичий смешок.

– Э-э, извиняюсь, вы кто? – спрашиваю, направляясь к дереву и пытаясь заглянуть за огромный ствол.

Однако там никого не оказывается. Либо мне показалось, что смешок донесся именно отсюда, либо та, кто смеялась, успела спрятаться в другом месте. Бросаю взгляд окрест и вижу лишь однообразные неохватные стволы.

– Эй! Где вы? Не бойтесь меня. Я не сделаю вам ничего плохого. Хотите яблочко?

– Хи-хи, – доносится в ответ из-за дерева, расположенного шагах в десяти.

Когда подхожу и не обнаруживаю никого и там, а смешок раздается уже дальше, в голове рождается подозрение. Оглядываюсь, пытаюсь найти ель с дуплом, и подозрение усиливается. Так, я отошел всего-то на пару десятков шагов от мухомора, а от него нужная мне елка еще шагах в пяти. Где же мухомор? Его яркую шляпку должно быть видно издалека. Но не видно. Любой из окружающих стволов может скрывать от моего взгляда гриб. А с какой стороны я пришел? Снова осматриваюсь вокруг.

– Хи-хи, – звучит издевательский смешок, а когда я оборачиваюсь в его сторону, смешок раздается за спиной, затем слева, справа, снова за спиной: – Хи-хи, хи-хи, хи-хи...

– Молчать! – ору, ударив посохом о землю. – Испепелю! Сожгу к едреной фене этот гребаный дремучий лес! Будете знать, как над самим Кощеем насмеяться!

– Ой, – испуганно раздается сразу отовсюду, и смешки смолкают.

Не, а чего? Я в принципе и правда могу подпалить лес с помощью огнива. Сухих веток и опавшей хвои кругом хватает. Вот только и сам тут зажарюсь. Оно, конечно, я вроде как бессмертный, но проверять это не хочется.

Так, что-то я совсем запутался. Попробую ходить по спирали, начиная, например, вот от этой елки. Обхожу по часовой стрелке ближайший ствол, затем, расширив круг, обхожу окружающие его деревья и снова расширяю круг. Ага, вот он и мухомор нагло краснеет пятнистой шляпкой.

Фу-ух, прямо от сердца отлегло. Я, конечно, предполагал, что могу покинуть запертый в скалах райский уголок не на один день, но все же хочу иметь возможность туда вернуться.

Итак, вот мухомор. Значит, шагах в пяти должно быть дерево с дуплом. В очередной раз осматриваю окрестности и... Не понял. В нескольких метрах впереди вижу еще один мухомор. А вон там, правее, еще один. И еще... Со злостью пинаю красную шляпку, и та, врезавшись в дерево, разлетается на мелкие кусочки.

– Ну-ну, – слышится непонятно откуда.

– Встречу Лешего, набью ему морду, – обещаю, вспомнив, что лес является хозяйством блондина.

А пока продолжаю поиск, расширяя круги, хоть и понимаю, что вряд ли добьюсь положительного результата. Ну не было рядом с елкой, из которой я выбрался, столько мухоморов.

Выхожу к поваленному дереву. Взбираюсь на ствол лесного великана и располагаюсь на нем, чтобы отдохнуть, съесть яблоко и обдумать план дальнейших действий.

А какой у меня может быть план? Опыта ориентирования в лесу отродясь не имел. Определить стороны света могу разве что по солнцу, но его из-за густых ветвей не видно. Судя по мху на стволах, север находится со всех сторон. Еще ветви с южной стороны должны быть то ли длиннее, то ли толще. А еще если облизать палец, то с северной стороны ему будет холоднее...

Но даже если я и определю, где находится север, что мне это даст?

Может, забраться на самую высокую елку? С нее наверняка будут видны мои родные скалы. А как определить, какая из этих великанш самая высокая, если не видно вершин? Та, которая толще? Так они тут все в три обхвата. Может, вон та?

Оставляю котомку и шест на поваленном дереве и подхожу к самому толстому стволу. Прыжок, и я цепляюсь за нижний сук. Подтянувшись, забрасываю на него ногу, затем вторую, встаю и дотягиваюсь до следующего. Метрах в пятнадцати над землей упираюсь в густое переплетение ветвей и пытаюсь пробиться через него. В итоге за пазуху и за шиворот насыпается уйма иголок, и я понимаю, что пролезть дальше не смогу. Если и стоит попытаться это сделать, то только на отдельно стоящем дереве, ветви которого не переплетаются с ветвями соседних. А таких поблизости не наблюдается. Спускаться вниз, как и положено, оказывается труднее, нежели лезть вверх. Но вот я на земле. Съев еще одно яблоко, отправляюсь куда глаза глядят.

Не знаю, шел ли я в одном направлении или кружил по лесу, но в итоге забрел в такой бурелом, что с трудом пробирался сквозь него. Приходилось либо перелезать через поваленные стволы гигантских елей, либо пролезать под ними, то и дело рискуя порвать одежду о густо торчащие сухие сучья. Попробовал выйти из бурелома назад, но понял, что опять не знаю направления.

За все время пути мне не встретилось никакой живности, если не считать филина, которого я выгнал из дупла в самом начале. Откуда-то сверху, из-за густого полога ветвей, иногда доносилось приглушенное щебетание птиц. Внизу же была такая тишина, словно я находился в огромном помещении с бутафорским лесом. С тех пор как заблудился, не слышал даже хихиканья, не только других голосов. Вот если когда-нибудь узнаю, что это за пакость лесная насмехалась надо мной и в итоге помогла заблудиться в нескольких шагах от елки с дуплом, непременно отомщу. Еще не знаю как, но мало не покажется. Обещаю.

В конце концов окончательно выбиваюсь из сил и засыпаю на одном из поваленных стволов. Просыпаюсь от того, что мне прямо в глаза светит солнечный луч, чудом пробившийся через толщу ветвей. Судя по тому, что он падает почти вертикально, сейчас полдень.

Ощувив жажду, съедаю последнее яблоко. Однако пить все равно хочется. В надежде наткнуться на лесной ручеек, продолжаю путь.

Пробравшись через засохшую крону еще одной поваленной ели, обнаруживаю, что бурелом закончился. Лес далее не такой густой, и кое-где даже проглядываются полянки,

освещенные солнечными лучами. Деревья здесь явно поменьше, хоть и по-прежнему с неохватными стволами. Кроме елей видны и лиственные, то ли осины, то ли какие-нибудь липы, я в них не разбираюсь. Отличить могу только дуб, клен и березу. Ну и акацию. Остальные для меня как китайцы, все на одно лицо.

Идти становится веселее. Теперь меня сопровождает веселый птичий щебет. Вижу взбежавшего по стволу бурундука. Обхожу огромную, почти с мой рост, муравьиную кучу. Еще бы напиться холодненькой водички и знать, куда иду, и путешествие стало бы куда приятнее. Скоро набредаю на заросли малины. По закону жанра здесь я должен встретиться с медведем, поэтому, поедая ароматные ягоды, присматриваю ближайшее дерево, на которое в случае чего сподручнее забраться. Однако вспоминаю, что медведи тоже неплохо лазают по деревьям, успокаиваюсь и продолжаю наслаждаться дарами природы без лишних заморочек. А вместо медведя я чуть не наступаю на ежика. Тот только фыркает и торопливо скрывается в кустах.

Несмотря на то что желудок до отказа набит малиной, пить продолжает хотеться. Вероятно, это капризы подсознания, заставляющего испытывать жажду только из-за невозможности ее утолить. Небо начинает темнеть, когда наконец-то слышу журчание воды. Мелькает мысль, что это происки хихикающей твари. Но нет, по дну неглубокого овражка действительно бежит веселый ручеек. Встав на четвереньки, с великим наслаждением пью кристально чистую воду. Напившись, умываюсь.

Вдруг ощущаю чье-то присутствие за спиной, и в то же время в воде отражается нависшая надо мной фигура. Делаю попытку встать, но в затылок упирается что-то острое.

— Кто таков? — слышится явно юношеский басок.

Умиротворяюще потрескивают дрова в костре. Им в унисон трещат на зубах косточки жирного, зажаренного на углях зайца.

Болтомир выбирает из высыпанных из моей котомки овощей самую крупную репу и, протерев ее о рукав, словно яблоко, с сочным хрустом откусывает изрядный кусок.

– Эка сладкая, – причмокивает одобрительно парень и, сыто рыгнув, спрашивает чисто для поддержания беседы: – Значит, говоришь, тебя Георгом нарекли?

– Угу, – мычу согласно, выковыривая мизинцем застрявшую в зубах зайчатину. – Для друзей просто Коша.

– Просто Коша? – переспрашивает здоровяк, хмуря брови. – Неужто ты простолюдин?

– Кто? Я? Я простолюдин? – делано возмущаюсь, соображая, что ответить. – Да я, между прочим, великокняжеский наследник.

– Ой ли? – с нешуточным сомнением окидывает меня взглядом Болтомир.

– Да. И не смотри на мой простецкий прикид. Просто я в квесте.

– Где? – Парень задирает брови под неровно стриженную челку.

– В квесте, – повторяю с таким выражением, будто уверен, что даже малый ребенок обязан знать, что такое квест, а не только какой-то там заозерский княжич Болтомир.

– Дык это... – Парень не хочет прослыть невеждой, но и справиться с любопытством не в силах. Потому решает подойти к вопросу о квесте с другой стороны: – И как ты туда попал?

– Куда? – теперь не понимаю я.

– Ну, в этот, в квест?

– А-а-а, в квест-то... Это, брат Болтомир, у нас традиция такая, прежде чем занять великокняжеский престол, необходимо совершить квест.

– Совершить? – окончательно запутавшийся здоровяк чешет затылок.

Решив, что все равно придется что-нибудь наврать неожиданному товарищу, чуть не протестировавшему меня на бессмертие с помощью метрового, остро заточенного меча, начинаю вешать ему на уши придумываемую на ходу лапшу:

– Ты про Великое Советское княжество слышал?

– Не-а, – отрицательно мотает головой Болтомир.

– Нешто за Черным кряжем никогда не бывал? – вспоминаю услышанное от Лешего название.

– Не-а. Туда людям хода нет, – добродушно сообщает он. – Там земля волотов.

– Правильно. А вот за землями волотов, от границы их владений и до... э-э... до самого края земли простирается Советское княжество. Песню «Широка страна моя родная» слышал? Нет? Так вот, она про наше Великое княжество.

– А волоты? – недоверчиво смотрит на меня парень.

– А что волоты? – небрежно бросаю я, размышляя о том, как ненавязчиво выяснить, кто они такие, эти волоты? Однако наугад сообщаю: – Волоты платят нам дань и живут спокойно.

Судя по тому, что у собеседника отвисла челюсть, я загнул нечто невероятное. Ну да, слово, как говорится, не воробей. Спешу увести разговор в другую область.

– Короче, Великое Советское княжество – это союз семи княжеств, престолы которых наследуют сыновья великого князя. У каждого великого князя бывает девять сыновей.

Вообще, их у него, конечно, больше, но престолы наследуют только первые девять...

– Мыслю я, Георг, закралась в твои слова ошибка, – перебивает меня Болтомир. – Как может быть девять наследников, если княжеств всего семь?

– Никакой ошибки, дорогой друг. Таково оригинальное политическое устройство нашей державы.

– Какое устройство?

– На самом деле все просто. – Делаю несколько внушительных глотков родниковой воды из Болтомировой медной фляги, удобнее располагаюсь на расстеленном плаще и продолжаю: – Дело в том, что, когда самый младший из девяти княжичей достигает совершеннолетия, великий князь отправляет их в квест. То есть каждый из девяти должен обойти мир, найти семь чудес света и добыть их. Первый справившийся с этой задачей наследует великокняжеский престол. Остальным достаются удельные княжества. Теперь понятно?

– Не-а, – мотает головой слушатель, – девятому-то что достается?

– Девятому, естественно, достается оппозиция.

Вижу, что Болтомиру никак не хочется признаваться, что он не знает, кто такая эта оппозиция. Повращав глазами и подвигав нижней челюстью, вероятно, для стимуляции мыслительного процесса, он задает простой вопрос, способный поставить собеседника в тупик:

– Где?

Теперь для осмысления вопроса приходится взять паузу мне. В конце концов решаю уточнить:

– Кто?

Молчим вместе.

В процессе затянувшейся паузы приходит мысль, что не стоит мучить парня незнакомыми ему понятиями, ибо так можно потерять его благорасположение и как минимум вновь остаться в лесу одному. Потому решаю продолжать.

– Как ты прекрасно понимаешь, оппозиция существует для того, чтобы вставлять палки в колеса существующей власти...

– Палки? – хмурит брови заозерский княжич. – В колеса?

– Ну, это я образно выражаюсь, – стараюсь пояснить незнакомому с подобной аллегорией парню. – Вставлять палки в колеса – значит всячески мешать, строить козни против власти, пытаться подбить народ на бунт.

– Нешто и вправду так? – удивляется тот. – Чудно как-то все это. Отчего же сразу не снести голову этому злыдню? Он мало того что самый нерасторопный оказался в этом, как его, квесте, так еще и зло против братьев замыслил? Почто великий князь допускает оп... опу... Как ее?

– Оппозицию. А вот тут, Болтомир, и кроется великая политическая мудрость нашего правителя. На самом деле оппозиция необходима государству, ибо она подобна волчьей стае в лесу, пожирающей слабых и больных зверей, не позволяя тем плодить никчемное потомство.

Дав парню пошевелить мозгами, продолжаю:

– Допустим, некий князь утратил интерес к правительственной рутине, и погряз в увеселениях, сладострастии и чревоугодии, и тратит казну исключительно на свои прихоти. Что тогда станет с княжеством? Правильно думаешь. Казна оскудеет, народ обеднеет,

княжество захиреет. В выигрыше останутся только чиновники.

– Кто такие?

– Чиновники-то? Как бы тебе объяснить... Это дворяне, во владение которым даны не земельные уделы, а государственные приказы. Ну, один чиновник заправляет военным приказом, другой почтовым, третий образовательным, и так далее.

– Это же дьяков забота!

– Забота дьяков, – соглашаюсь с Болтомиром, – но владение чиновников, ибо они с этих приказов кормятся, как обычный дворянин с земли.

– Чудно, – в очередной раз удивляется Болтомир. – Откуда же прибыль казне, ежели все в руках этих, прости господи, чиновников?

– Ой, да ладно, – отмахиваюсь от непонятливого собеседника. – Можно подумать, в других государствах при попустительстве власти казну разворовывать не будут! И не важно, как воров назвать, чиновниками ли, дьяками ли приказными или еще как. Важно, чтобы сам князь-государь не расслаблялся и всю эту братию в узде держал. Чтобы время от времени с самого зарвавшегося чиновника голова слетала в назидание другим. Но и честных да радивых, кои пользу приносят, привилегиями отмечать необходимо. А ежели расслабится государь, чиновники при его попустительстве, а то и с позволения беспредельничать начнут, среди бояр непременно недовольство появится, да и простые людишки возропшут. Вот тут девятый со своей оппозицией и подсуется, слухи-сплетни распустил, недовольство подогреет, к смуте призовет. А там и заполыхают боярские да помещичьи терема, полется кровушка людская. В итоге, глядишь, народ девятого на престол воздвиг, а бывший князь в бега подался, дабы впоследствии собственную оппозицию возглавить.

– Мудрено слишком, – пожимает плечами Болтомир. – По мне, так сразу всех на плаху.

– Да пойми ты, князь без оппозиции, как воин без врагов, теряет смысл своего существования. Вот что станет с воином, ежели вокруг него в одночасье все враги исчезнут?

– Пойдет в дальние страны. Там врагов на всех хватит, – глядя на меня как на неразумное дитя, говорит собеседник. – Скажи лучше, ежели ты такой же, как и я, княжич, то отчего не на коне и одет, будто простолюдин? Или лихие людишки обобрали? Тогда как же сам жив остался?

– Традиция, – как можно убедительнее развожу руками. – С мечом да на лихом коне любой все семь чудес отыщет. А ты поди да сам себе все добудь. Тогда великий князь уверен будет, что наследник достоин взойти на престол, да и удельные княжества в надежных руках будут. У тебя я, кстати, тоже коня не заметил.

– Мой конь пал в битве, – гордо задирает подбородок княжич, при этом смущенно рыскнув взглядом.

– Поведай, – хватаюсь за возможность перевести разговор с моей персоны.

Оказывается, Болтомир Заозерский – один из тех бесшабашных витязей, кои присоединились к царевичу Ивану в его походе к Черному кряжу за сокровищами волотов. Парень долго и красноречиво расписывает мне собственную версию шабаша на болоте у Лихониного холма. Оказывается, войско Ивана встретилось там с несметными полчищами лесной нечисти, с коими бились три дня и три ночи. В этой битве и пал конь Болтомира, защитив хозяина от вражеских стрел.

– Полчища нечисти не Зеленый Змий возглавлял? – спрашиваю, вспоминая рассказ Лешего и пряча усмешку.

– Недосуг мне было про то выяснять. Говорю же, трое суток бился, не выпуская меча из

рук.

Вспоминаю отполированную сталь на чистеньком, без единой зазубринки мече, который Болтомир приставил к моей шее при нашей встрече у ручья, но оставляю сомнения при себе.

– Чем же кончилась битва? Победили нечисть?

– Знамо, победили.

– И где ж все войско? Неужели ты один в живых остался? – спрашиваю с тайной издевкой.

– Не-э, – простодушно мотает головой парень. – Я от остальных случайно отбился. Погнался один за дюжиной врагов. Полдня скакал, пока догнал их. Всех побил, но коня потерял.

– Ясно, – киваю понятиливо. – Значит, теперь один домой идешь?

– Не-э, – протягивает Болтомир, на этот раз несколько смущенно. – Я решил не возвращаться в Заозерье, пока не отыщу логово Змея Горыныча.

– Почему? – удивляюсь неожиданному смущению собеседника.

– Жениться хочу, – еще более смутившись, отвечает тот.

– Э-э, извиняюсь, на Змее Горыныче? – обалдеваю от неожиданного поворота.

– Не-э, – не переставая смущаться, мотает головой Болтомир, – на Василисе Прекрасной.

– погоди, что-то я совсем запутался. На какой Василисе? На той, которая Царевна-лягушка, что ли?

– Ага, – шмыгнув носом, кивает здоровяк.

– Так она ведь жена Ивана-царевича.

– Жена, – согласно понурил голову Болтомир. – Да только любя она мне больше жизни. Я как увидел ее, Георг, как взглянул в очи ее синие, так и утонул в них весь без остатка. Ничто не мило мне теперь, понимаешь?

– Понимаю, – вздыхаю сочувственно. – Первая юношеская любовь – это серьезно.

– Я и к Черному кряжу с Иваном пошел для того, чтобы забыть Василису либо буйну головушку в битве с волотами сложить. Ан не вышло, – продолжает изливать душу парень. – Эх, кабы не наследовать мне престол Заозерский, выкрал бы лебедушку мою белую да увез бы в края дальние. Там завоевал бы какое-никакое царство-королевство, бросил к ее ноженькам... Но не могу. Не могу бросить на произвол судьбы княжество Заозерское, ибо единственный я внук у князя Мироболта, и некому больше престол наследовать.

– М-да, – качаю головой я, размышляя над кашей, которую заварила Яга со своей засланной царевной. – А отец твой жив ли? Почему он власть не наследует?

– Сразу видно, что из дальних земель ты, Георг. Не знаешь того, что не бывает отцов у заозерских князей, как не бывает и сыновей.

– Как это? – удивляюсь я.

– А так. Испокон веков повелось, что у заозерского князя сразу внуки рождаются. Потому и он им дедом приходится, – назидательно говорит Болтомир.

Понимаю, что вряд ли что в этом пойму, решаю не углубляться в тему и спрашиваю о другом:

– А к Змею-то Горынычу по какому вопросу путь держишь?

– Победить его хочу, знамо, – смотрит на меня словно на неразумное дитя княжич.

– Ясно. А твоя любовь к Василисе тут при чем?

– Мыслью я, Змея победив, заставить его выкрасть любушку мою у Ивана. И тут я вновь гада победу, срублю ему все головы и освобожу Василисушку из полона. А коли я освобожу ее от гадины мерзкой, то по праву моей она и станет.

– Ага. Такова, значит, в ваших землях процедура развода? Понятно. А ты, брат Болтомир, стратег, – говорю как можно уважительнее, дабы не обидеть парня незнакомым словом. – Ну и далеко ли тебе еще идти до логова Змея Горыныча?

– Не ведаю, – пожимает плечами собеседник. – Старики рекут, что никто из ныне живущих его не встречал. Последний раз с ним бился еще мой славный прапрапрадед Болтокрот. Он и прогнал гада трехголового в неведомые земли, а на месте прежних змеевых владений основал Заозерское княжество.

– Как же ты идешь, не зная куда?

– А как и ты, – парирует парень. – Дорога выведет.

– Это да, – приходится согласиться.

Трели сверчков, уханье ночных птиц, шуршание в ближайших кустах, возня кого-то большого в болотце у ручья, тоскливый вой одинокого волка и прочая ночная какофония действуют умиротворяюще, и я уже начинаю засыпать, наслаждаясь щекочущим ползанием по спине забравшегося за шиворот какого-то беспокойного жука. Неожиданно упавшая в почти прогоревший костер шишка поднимает сноп искр, свет проникает сквозь веки и порождает мысль – комбинацию доводов, способных заставить заозерского княжича отправиться вместе со мной на поиски Яги.

– Болтомир, – толкаю в бок вовсю храпящего парня.

– А? Кто? – подскакивает тот, выхватывая меч из ножен.

– Я знаю, кто поможет тебе найти логово Горыныча, – с ходу сообщаю пытающемуся высмотреть в темноте напавших врагов парню.

Ему требуется некоторое время, чтобы окончательно проснуться и понять услышанное. Наконец он спрашивает:

– Кто?

– Я, – тычу себя в грудь, широко зевая. – Ты не против?

– Что потребуешь за услугу? – зевает Болтомир в ответ.

– Да-авай обсудим этот вопрос утром? – предлагаю с очередным зевком.

– Да-авай, – мычит он в ответ, устраиваясь на траве, и через мгновение по окрестностям разносится пока еще нерешительный всхрап.

Просыпаюсь от щекочущего ноздри запаха жареного мяса. Поднимаюсь и, протерев глаза, с удивлением вижу надетую на струганую ветку тушку кабанчика, которая, установленная над вспыхивающими алыми углями, издает этот заманчивый запах.

– Здоров же ты спать, Георг! – Болтомир помахивает над углями еловой веткой и поливает пузырящуюся жиром тушку из фляги. – Теперь верю, что не простых кровей. Но и воинской наукой не владеешь. Воин в походе до рассвета встать должен.

– Да ладно тебе, – отмахиваюсь миролюбиво и бреду к ручью умываться.

Проходя мимо болотца, в котором ночью кто-то возился, краем глаза замечаю шевеление мшистой кочки. И будто бы даже глаза у нее сверкнули в мою сторону. Останавливаюсь и присматриваюсь. Вроде бы обычная кочка. Отворачиваюсь и тут же слышу за спиной булькающее бормотание, в котором явственно различаются слова:

– Кощей это или нет? И он, и не он вроде...

Резко оборачиваюсь, но на болотце никакого шевеления. Нет даже ряби на подернутой ряской поверхности. Лишь большая зеленокрылая стрекоза приземляется на кочку.

Решаю больше не реагировать на разные глюки, не то опять заблужусь из-за какого-нибудь хохотунчика, а там Болтомир жарит вкусного кабанчика.

Хрустя нежными пороссячьими ребрышками вприкуску с сочной редькой из собственных запасов, думаю о том, что пусть я и являюсь каким-то там уплотненным духом, но все плотские наслаждения мне доступны, словно простому человеку. И это просто замечательно. Впрочем, если верить Яге, люди являются нашими непосредственными потомками, а значит, все их способности унаследованы от нас.

– Говори, – обращается ко мне Болтомир, забросив в кусты последнюю обглоданную кость, и припадает к горлышку фляги.

– О чем? – Я хоть и ждал вопроса по поводу моего вчерашнего предложения, но на всякий случай решаю уточнить.

– Как собираешься мне помочь победить Горыныча? – Парень сыто отрывает редькой, заставляя меня задержать дыхание. – И что потребуешь за услугу?

– Ну, – начинаю, выдохнув, – Горыныча еще нужно найти. И именно в поисках его логова я и обещал тебе помочь. О победе над ним речи пока не было. А что я потребую за это? Ты же знаешь, что я сам иду незнамо куда, в поисках незнамо каких чудес. Так почему бы нам не пойти вместе? Дружеское плечо в пути – больше мне ничего от тебя не надо.

– Добрые слова ты изрек. – Болтомир встает и протягивает мне лопатообразную ладонь.

Поднимаюсь и я. Моя ладонь выглядит куда более аристократически, но не сильно уступает размерами. С минуту мы краснеем от напряжения, пытаюсь выяснить, чье рукопожатие крепче. Поняв, что не уступаем в силе один другому, одобрительно похлопываем друг друга по плечам.

– Пора, друг Георг, в поход выступать, – говорит Болтомир. – Не то солнце скоро в зените будет, а меня в полуденные часы в сон клонит. Надо будет вздремнуть часок-другой в прохладном тенечке.

– Вздремнуть в обед – это дело, – одобрительно киваю, завязывая изрядно облегченную

котомку. – Я что тебе предложить-то хочу? Мыслю, искать нам нужно Бабу-ягу. Слышал о такой?

– Кто ж о ней не слышал-то? Видал даже давеча. Пролетала в ступе по небу, ведьма окаянная. Слышал, не одного доброго молодца извела карга старая. На кой она тебе? Нешто жить надоело?

– Не мне, Болтомир, а тебе.

– Мне не надо, – энергично мотая головой, отрицает простодушный парень.

– Да? А скажи мне, друг Болтомир... Слушай, если мы друзья, можно я тебя буду запросто Болтом звать? Не на людях, естественно, а промеж собой. Можно?

– Болтом звали деда, победителя Змея Горыныча и основателя Заозерского княжества Крутоболта. Мнится, не достоин я такой чести. Но ежели промеж собой, то можно.

– Договорились. Меня можешь тоже звать просто... э-э-э... Ну, ты и так меня просто Георгом зовешь. Можешь, если хочешь, Кошей. Это мой конспиративный псевдоним.

– Кос... пси... – Болтомир пытается повторить незнакомые слова.

– Короче, друг мой Болт, скажи мне, кто поведал Ивану, где найти Кошея и как его извести?

– Знамо, Яга и поведала, – не задумываясь, отвечает тот. И тут же соображает: – Считаешь, она и о Горыныче подобное ведает?

– Сам-то как думаешь?

– Мыслю, нечисть о нечисти должна все ведать.

Итак, мой хитрый ход удался, и я приобрел надежного или по крайней мере сведущего в местных реалиях попутчика. А там, глядишь, если поиски Яги увенчаются успехом, она избавит простодушного княжича от навязчивой любви к не пойми какой твари, скрывающейся под личиной Василисы Прекрасной. Ну, или подсунет ему другую такую же, и пусть парень будет счастлив в неведении.

В общем, отправились мы вниз по течению ручья, разумно рассудив, что вода рано или поздно выведет к людскому жилью. А люди всегда укажут, где обитает тот или иной ведьмак или ведьма. А уже те могут и на след Яги вывести.

А я меж тем все сильнее начинал скучать по рыжей бестии, которую и знал-то всего день. Присушила, не иначе. Сказано же, ведьма.

Вдвоем идти стало гораздо веселее. Я выводывал у Болтомира нюансы обычаев местной знати, попутно скармливая ему небылицы о собственном выдуманном Великом княжестве.

Попутчик походя пристрелил из лука пару нерасторопных зайцев, которых самолично и зажарил во время обеденного привала. Даже и не знаю, как бы я добывал себе пропитание, не встретить княжича.

Меж тем подпитываемый родниками ручей превратился в небольшую речушку. В чистой воде порой проплывали довольно крупные рыбыны. Изловчившись, я пронзил одну острым концом шеста.

– С полпуда будет, – оценил Болтомир, подхватив под жабры трепыхающуюся добычу. – Вечером запечем в глине.

Инициатива наказуема, потому эти полпуда пришлось тащить мне.

К вечеру лес поредел, деревья стали ниже, и вскоре мы вышли к месту слияния ручья с гораздо более широкой речкой.

При впадении ручей перегораживает небольшая рукотворная плотина. Падающая с нее вода крутит мельничное колесо. У мельницы стоит телега, запряженная гнедой клячей. У

лошади непропорционально тонкие ноги и дистрофично раздутое брюхо. Всегда представлял именно такие экземпляры под седлом Дон Кихота или д'Артаньяна, когда тот впервые прибыл в Париж.

Белобрысый мужичонка с куцей бороденкой укладывает в телегу мешки с мукой. Дородная баба, на голову выше его, нетерпеливо поторапливает:

– Да пошевеливайся уже скорей, Тюря! Улька и порожняком еле копыта волочит, а с грузом и вовсе дотемна лес миновать можем не успеть. А в лесу нонче, сам слыхивал, волки как никогда лютуют...

Заметив нас, баба замолкает с открытым ртом. Обернувшись к неожиданно замолкшей жене, мужичок тоже испуганно округляет глаза и как-то обреченно опускает руки.

Представляю себя на их месте. Ну что ж, их можно понять. Вышедшие из чащи два вооруженных лба вряд ли могут произвести положительное впечатление. Болтомир, если почистить и заштопать его амуницию, еще и мог сойти за благородного дворянина, но я, одетый не пойми как, с жердиной в руках и топором за поясом, никак не походил на доброго гостя.

– Здравствуйте, люди добрые! – громко прерываю затянувшуюся паузу.

Парочка синхронно кланяется почти до земли.

– Чьи будете? – властно вопрошает княжич.

– Из Мирошек мы, батюшка, – снова кланяется годящемуся в сыновья Болтомиру женщина.

– Я спросил, чьи будете? – грозно повторяет тот.

– Дык кто в нашу глухомань данников пришлет, тех и будем, – теперь отвечает мужичок. – Мы людишки дремучие. Наше дело исправно десятину платить. А кому, даже наш староста не ведает. Бывает, один боярин про нас вспомнит, бывает – другой. Иной год и два раза за данью приезжают.

– Оп... этой... зиции на ваших бояр нету, – глянув на меня, сурово говорит крестьянам княжич. – Уже встречу, поучу уму-разуму.

Те лишь затравленно переглядываются.

В это время из дверей мельницы показывается новый персонаж. Оттуда выходит кряжистый мужик цыганистого вида, заросший черной бородой по самые глаза. Завидев нас, он прекращает хлопать себя по груди, выбивая мучную пыль из рубахи, и, подозрительно насупив брови, делает шаг назад. Но вот его взгляд останавливается на посохе в моих руках, кустистые брови ползут вверх в изумлении, колени подгибаются, и мужик, грохнувшись на четвереньки, семенит ко мне, старательно изображая из себя провинившегося пса. Не успеваю шарахнуться в сторону от этого сумасшедшего, как он бьется лбом в землю у самых носков моих сапог.

– Вечно здравствовать тебе, повелитель! – не поднимая головы, кричит он прямо в пыль, заставив ее взметнуться серым облаком.

– Ничего не понимаю, – искренне развожу руками в ответ на изумленный взгляд Болтомира и тычу посохом в спину мужика: – Эй, припадочный, ты меня ни с кем не перепутал?

Мне показалось, будто в тот момент, когда кончик посоха еще не коснулся лопатки бородача, с него, словно с пьезозажигалки для газа, слетела маленькая искорка, заставившая мужика вздрогнуть. Но я решил, что это эффект от игры солнечных зайчиков, проникающих сквозь трепещущую на легком ветерке листву дуба, под которым мы стоим.

– Как скажешь, повелитель, – не поднимаясь, попятился задом мужик. – Попутал, как есть попутал. Ясно вижу теперь, что не за того тебя принял, повелитель.

– Почему этот смерд называет тебя повелителем, Георг? – с удивлением смотрит на эту чудную сцену княжич.

– Сам ничего не могу понять, – отвечаю вполне искренне и выдаю первую пришедшую в голову версию: – Может, он родом с моих земель? Эй, а ну встань, чудило.

Мельник поднимает голову и с настороженным подозрением осматривает меня с ног до головы. Затем переводит взгляд на посох, вздрагивает и пятится на шаг назад.

– Так ты не... – обрывает он вопрос на полуслове, поднимаясь-таки на ноги.

– Не кто? – Тоном, говорящим, что его терпение заканчивается, переспрашивает Болтомир.

– Этот посох принадлежал другому, – проигнорировав наезд княжича, уже спокойным тоном обращается ко мне неожиданно быстро оправившийся от испуга бородач. – Тот... э-э-э... человек погиб. Узрев посох в твоих руках, я решил, будто он восстал.

– Теперь понятно, – киваю с облегчением, что все так просто объяснилось, однако понимаю, что таким объяснением может удовлетвориться только мой попутчик. Сам продолжаю оставаться для себя, если можно так выразиться, темной лошадкой. Видя, что теперь и Болтомир смотрит на шест, поясняю: – Я подобрал его на лесной тропе несколько дней тому назад.

– Могу ли я предложить тебе за него хороший меч? – спрашивает вконец осмелевший мельник.

– За каким мне твой меч? – отклоняю предложение, мысленно добавляя, что сроду не умел пользоваться разными мечами, саблями и прочими шпагами.

– Кто был тот человек, которому принадлежал посох? – снова вмешивается Болтомир.

Мужик зыркает на него, как на надоедливую муху, однако через мгновение прячет взгляд и, слегка склонив голову и ссутулив плечи, принимает смиренную позу. Помявшись некоторое время, все же отвечает:

– Лесной князь он был.

– Что? – Княжич берется за рукоять меча. – Так ты с татями лесными знаешься?

– Дык я в глуши живу, – разводит руками мужик. – Тут хошь не хошь, а будешь знаться со всеми, кто нож к горлу поднесет. Заступников тут, чай, не сыщешь. Вы вот тоже не больно от татей отличаетесь...

Болтомиров меч с шелестом покидает ножны, и я едва успеваю схватить его за руку.

– Оставь, – говорю миролюбиво. – В диких местах всегда живут люди с дикими нравами. Нешто всем будешь головы рубить?

Княжич возвращает оружие на место со словами:

– И то правда, нечего о всякую погань меч марать. Плетей всыпать, и будет с него.

– Плетей – это дело, – киваю будто бы одобрительно, и тут же спешу перевести внимание на уже скрывающуюся за поворотом лесной дороги телегу: – Эй, люди добрые, куда это вы так спешите? Нешто уставших путников не обождете и не определите на ночлег?

Понимая, что со своей клячей им от нас не удрать, крестьяне покорно останавливаются и что-то говорят друг другу, еле шевеля губами, словно стараются скрыть свои переговоры от нас.

– Плюнь ты на этого смерда, Болтомир, – хлопаю княжича по плечу и увлекаю его в сторону телеги. – Будет случай, еще займемся его воспитанием. Пойдем лучше отдохнем как

следует в деревеньке.

– А как следует? – спрашивает князь, согласно шагая вместе со мной.

– Ну, с банькой чтобы. Эй, банька-то у вас имеется?

– А как же без баньки-то? – невесело отзывается мужичок.

– Погодь, господин, – окликает наглый мельник, и когда я останавливаюсь, говорит требовательным шепотом: – Продай посох. Золотом заплачу.

– Золотом, говоришь? – изображая заинтересованность, приближаюсь к мужику и хватаю его за жесткую бороду. – Это кто же тебе за помол золотом платит?

В черных глазах загорается лютая злость, и я начинаю жалеть, что не позволил княжичу снести эту бандитскую голову. Продолжая сжимать в пальцах бороду, поднимаю посох с намерением врезать черепообразным концом мужику по лбу. И вдруг – теперь я это заметил точно – с посоха снова сорвалась искра и вонзилась мельнику меж глаз. Те сразу собираются, что называется, в кучу, словно мужик пытается рассмотреть собственную переносицу.

А посох-то не просто палка. И мужик явно в курсе его назначения. Похоже, стоит пообщаться с мельником плотнее. Вот только без свидетелей.

Отталкиваю обмякшего мужика. Болтомир только сейчас заметил, что я отстал, и вопросительно смотрит на меня.

– Объяснил смерду, чтобы вел себя с благородными людьми вежливо, – бросаю ему и, чтобы не дать княжичу озадачить меня каким-нибудь неудобным вопросом, догоняю телегу и обращаюсь к крестьянам: – Большая деревенька-то?

– Наша-то? – переспрашивает мужичок. – Дык три двора всего и осталось. Середу со всей семьей в прошлом году волки задрали. Теперича его хата пустая стоит.

– Отчего ваш князь облаву на волков не сделает, коли лютуют так серые? – спрашивает Болтомир.

– Нам ли ведать княжьи помыслы, – пожимает плечами крестьянин.

Вспомнив слова мельника о бывшем владельце посоха и реакцию на них Болтомира, спрашиваю у княжича:

– Кто такой тот лесной князь, о котором говорил смерд?

– Нешто в ваших землях лесных татей нет? – в очередной раз удивляется моему незнанию тот.

– Почему нет? Есть, – и, вспомнив известный анекдот, добавляю: – Немножко. Только для себя.

По озадаченному взгляду княжича видно, что он анекдота не знает. Надо будет при случае рассказать.

– А-а, – доходит до меня, – у вас главарей татей называют лесными князьями?

Парень отрицательно крутит головой и терпеливо поясняет:

– Под рукой лесного князя бывает несколько шаек. Иной раз их собирается так много, что не всякого князя дружина сможет дать им отпор. А рано ли, поздно ли такая орава затевает нешуточную татьбу, и тогда горят веси да деревеньки, а то и крупным городам несладко приходится. Потому, как только слух о появлении лесного князя разлетается, окрестные князья да бояре сыск объявляют, назначив награду за голову лихоимца. Бывает, и рать собирают, после которой в окрестных лесах не то что татей, крупного зверя не остается.

– Понятно, – удовлетворяюсь объяснением. – У нас такие персоны крестными отцами называются.

Так и беседуем, следуя за скрипучей телегой, пока не выходим на опушку. Перед нами на

небольшом взгорке за кое-где подгнившим частоколом расположились в окружении сарайчиков несколько крытых соломой изб. В начинающихся сгущаться сумерках слышится милая русскому сердцу какофония деревенских звуков: мычание коров, куриное кудахтанье, гогот гусей, тьяканье собачонки и чья-то добродушная матерщина.

– Вот они, Мирошки наши, – сообщает мужичонка, остановив телегу.

– Не слепые, сами видим, что вот они, – двигаюсь вслед за княжичем к жердяным воротам. Однако поняв, что сопровождавшие нас крестьяне следовать в деревню не спешат, удивленно оборачиваюсь: – А вы чего встали?

Супруги переглядываются, и мужичок говорит:

– Мы это, пойдем на хутор к себе?

– Бедно у нас, – встречает молчавшая доселе баба. – В Мирошках вам лучше будет.

– И далеко ваш хутор?

– Дык версты две туды. – Мужичок машет рукой направо.

– А как же волки? – вспоминаю слова бабы. – В лесу темно уже совсем.

– Авось пронесет.

– Ну, если чего несвежего съел, то может и пронести, – не сдерживаюсь от колкости. – Думаешь запахом волков отогнать?

Оборачиваюсь на взбалмошное тьяканье и вижу трех собак, бегущих к нам. Болтомир уже стоит в воротах. Он поддает ногой шавке, которая пытается тяпнуть его за сапог. Вот выскакивают ребятишки и прогоняют хворостинами собак. Следом появляется высокая женщина. Она что-то говорит княжичу, бросая быстрые взгляды и на меня.

[Купить полную версию книги](#)